

Спиритуализмъ, какъ психологическая гипотеза *).

Господствующій въ настоящее время въ психологической наукѣ взглядъ на отношеніе душевныхъ и тѣлесныхъ явленій въ насъ всего лучше можетъ быть охарактеризованъ словами: *физиологическій монизмъ*. Смыслъ этого взгляда кратко можно выразить слѣдующимъ образомъ: нѣтъ нужды признавать душу, какъ особый, независимый отъ тѣла источникъ психическихъ феноменовъ; въ цѣляхъ научнаго объясненія намъ достаточно видѣть въ душевной жизни функцію разнообразныхъ физиологическихъ процессовъ въ нашемъ мозгѣ и въ нервной системѣ. Это вовсе не означаетъ, чтобы сторонники монистической гипотезы были всѣ материалистами: эта гипотеза представляетъ собою скорѣе методъ изслѣдованія, нежели положительное ученіе о существѣ челоука. Джэмсъ говоритъ: „Въ настоящее время психологія двигается въ материалистическомъ направленіи, и, въ интересахъ ея конечныхъ успѣховъ, ей должна быть предоставлена полная свобода двигаться въ этомъ направленіи даже тѣми, которые увѣрены, что она никогда не достигнетъ конечной цѣли, не возвратившись вспять“ **). Рядомъ съ этимъ предпочтеніемъ гипотезы физиологическаго монизма, у психологовъ обыкновенно замѣчается рѣшитель-

*) Рефератъ, прочитанный въ засѣданіи Моск. Психолог. Общества 10 мая 1897 г.

**) Уильямъ Джэмсъ, „Психологія“, рус. пер., стр. 6.

ное предубѣжденіе противъ стараго *спиритуалистическаго* или *дуалистическаго* воззрѣнія на душевную жизнь *). Его несостоятельность безмолвно признается почти всѣми. Спиритуалистическая гипотеза царила въ психологіи цѣлыя столѣтія, но что же она дала? Ничего, кромѣ страннаго ученія о *способностяхъ*, по которому душа раздѣляется на непонятныя части, каждая изъ которыхъ, въ свою очередь, оказывается какъ будто самостоятельнымъ существомъ; кромѣ безплодныхъ споровъ о томъ, гдѣ сѣдалище души, и кромѣ пустыхъ препирательствъ о разныхъ другихъ не менѣе пустыхъ и неразрѣшимыхъ вопросахъ.

Справедливъ ли такой судъ? Точно ли спиритуалистическая гипотеза даетъ и всегда должна давать только это и ничего другого дать не можетъ? Правда ли, что у нея нѣтъ никакихъ теоретическихъ достоинствъ и преимуществъ? Станемъ на точку зрѣнія строгаго опыта и не будемъ предпрѣшать никакихъ метафизическихъ проблемъ. Взглянемъ на спиритуализмъ и фізіологическій монизмъ, какъ на двѣ возможныя руководящія гипотезы, и спросимъ себя: нѣтъ ли

*) Меня, вѣроятно, будутъ упрекать за такое отождествленіе *спиритуализма* съ *дуализмомъ* и укажутъ на то, что въ исторіи философіи можно наблюдать примѣры спиритуалистическихъ ученій, носившихъ строгаго монистическаго облика. Однако мнѣ кажется, что *спиритуалистическій монизмъ* есть воззрѣніе скорѣе метафизическое, нежели психологическое. Въ психологіи онъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если совсѣмъ отрицать существованіе человѣческаго тѣла. Но хотя очень многіе психологи весьма охотно доказываютъ, что наше тѣло, да и весь окружающій насъ матеріальный міръ—только наши представленія, стало быть, только продуктъ психической жизни,—они принимаютъ это обыкновенно лишь на словахъ, и когда вопросъ заходитъ о первомъ возникновеніи психическихъ фактовъ, не смущаясь, выставляютъ ихъ причиною процессы въ клѣткахъ мозговой коры. На практикѣ всѣ психологи признаютъ реальность тѣла и едва ли могутъ поступать иначе при современныхъ приѣмахъ изслѣдованія. Поэтому психологъ, который признаетъ душу, какъ самобытное, не матеріальное начало, тѣмъ самымъ будетъ *дуалистомъ*. Исключенія нельзя сдѣлать и для монадологическаго взгляда на міръ: этотъ взглядъ *монистиченъ* въ метафизическомъ смыслѣ, но въ ученіи о человѣкѣ онъ ведетъ къ *дуализму*; какъ увидимъ дальше, ему неизбѣжно приходится различать между тѣломъ, какъ совокупностью низшихъ монадъ, и душою, какъ монадой высшею. Между тѣмъ подъ *дуализмомъ* въ психологіи только и разумѣю признаніе души и тѣла за особыя начала.

и въ спиритуализмѣ какихъ-нибудь особыхъ удобствъ, которыя отсутствуютъ въ монизмѣ и которыя позволяютъ, при изслѣдованіи психическихъ явленій, прибѣгать къ спиритуалистическимъ предположеніямъ?

У гипотезы фізіологическаго монизма есть огромное достоинство: она заставила сосредоточить вниманіе на психо-фізическихъ изслѣдованіяхъ, и мы, главнымъ образомъ, ей обязаны огромными успѣхами въ этой области за послѣднее время. Но существуютъ въ ней и крупные недостатки, которые должны быть ясны для безпристрастнаго психолога. И, прежде всего, она порождаетъ въ своихъ сторонникахъ невольное стремленіе къ фізіологическому схематизму: вмѣсто свободнаго и всесторонняго описанія и изслѣдованія психическихъ фактовъ въ ихъ внутренней, субъективной природѣ, — что само по себѣ представляетъ задачу очень трудную, — они тратятъ свои силы на изобрѣтеніе всевозможныхъ схемъ для тѣхъ фізіологическихъ процессовъ въ мозгу, которые должны объяснить эти факты во всей ихъ сложности, и нерѣдко въ этомъ полагаютъ главную цѣль своихъ изысканій. Одна проблема у нихъ иногда совсѣмъ вытѣсняется и подмѣняется другою. Въ этомъ еще не было бы большой бѣды, если бы такія схемы имѣли безотносительное научное достоинство. Но, въ дѣйствительности, мы слишкомъ мало знаемъ о мозгѣ, чтобы на точномъ фактическомъ основаніи детально устанавливать въ немъ процессы, отвѣчающіе всѣмъ операціямъ духа. Поэтому, чѣмъ шире ставится задача въ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ болѣе приходится прибѣгать къ помощи фантазіи и громоздить гипотезы на гипотезы. И вотъ у спокойнаго критика закрадывается неизбежное сомнѣніе: все это было бы хорошо, если бы гипотеза фізіологическаго монизма сама по себѣ представляла безспорную истину о душевной жизни. А что если дѣло обстоитъ иначе? Что если вовсе не существуетъ абсолютно исчерпывающихъ фізіологическихъ соотвѣтствій для каждаго психическаго факта, и нашъ психическій міръ являетъ собою смѣшанный и сложный результатъ взаимо-

дѣйствія факторовъ физическихъ съ силою иного порядка? Какая будетъ тогда цѣна этихъ отклоненій творящей фантазіи отъ прямого изученія данныхъ опыта?

Наихудшая сторона такого фантазирования, однако, не только въ его весьма возможной безплодности: она имѣетъ положительно вредныя послѣдствія, если только мы допустимъ, что физиологическій монизмъ не метафизическая истина, а простая гипотеза. Наклонность къ физиологической схематизаціи порождаетъ во многихъ отношеніяхъ извращенную и предвзятую оцѣнку душевной жизни. Изъ этой наклонности вытекаютъ наиболѣе слабые пункты современной психологіи. Во-первыхъ, отъ нея ведутъ начало преувеличенные поиски за безсознательными элементами всего сознаваемого. У многихъ психологовъ каждое конкретное психическое состояніе разсматривается, какъ ярой агрегатъ гипотетическихъ единицъ, находящихся за предѣлами сознанія; качественное разнообразіе душевныхъ явленій, въ ихъ живой индивидуальности, они стараются объяснить и вывести изъ различнаго сочетанія вполнѣ однородныхъ элементовъ, которые представляютъ какъ бы атомы нашей психики. Крупная заслуга Джэмса заключается въ томъ, что онъ съ замѣчательнымъ остроуміемъ показалъ логическую пустоту и научную непригодность такой методы. Внутреннюю цѣльность и качественную обособленность отдѣльныхъ психическихъ фактовъ логически немислимо разложить на группы какихъ бы то ни было единицъ, различающіяся только количественно. Въ такой задачѣ лежитъ прямая несообразность: атомизмъ хорошъ въ физикѣ и химіи, но ему нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ психологіи. И все-таки эта задача съ неизбежностью сама собою ставится для послѣдовательно проведеннаго монистическаго взгляда. Съ точки зрѣнія физиологическаго монизма, каждое душевное явленіе представляетъ нѣкоторую равнодѣйствующую процессовъ физическихъ,—ихъ очень суммарное отраженіе; между тѣмъ, всякій физическій процессъ состоитъ изъ безчисленныхъ болѣе элементарныхъ

процессовъ, которые входятъ въ него, какъ его слагаемыя. Это невольно влечетъ къ предположенію, что и каждый психическій фактъ есть только сумма дѣйствій чего-то за предѣлами его непосредственно даннаго содержанія. Къ этому присоединяется свойственная монизму идея о всецѣлой параллельности физическихъ и психическихъ процессовъ въ насъ: если душевная жизнь есть лишь субъективное изображеніе разнообразныхъ процессовъ нашего мозга, сама собою напрашивается мысль объ ея аналогичномъ съ ними составѣ. И, дѣйствительно, стремленіе объяснить качественно своеобразныя душевныя явленія изъ простого суммированія явленій низшихъ наблюдается даже у такихъ психологовъ, отъ которыхъ этого всего менѣе можно было ожидать. Лучшимъ примѣромъ тому можетъ служить самъ Джэмсъ. Трудно указать болѣе горячаго и талантливаго защитника неразложимой индивидуальности фактовъ психической жизни. И все же это не помѣшало ему самое индивидуальное, неуловимое и субъективное въ насъ — наши эмоціи — объявить простыми агрегатами чисто тѣлесныхъ ощущеній.

Второй слабый пунктъ гипотезы фізіологическаго монизма заключается въ неизбѣжномъ утвержденіи абсолютной пассивности душевнаго существованія и въ признаніи чисто иллюзорнаго характера за нашимъ сознаніемъ своей дѣятельности. Опять и эта отрицательная оцѣнка показаній нашего внутренняго опыта представляетъ необходимый выводъ изъ воззрѣнія на психическую жизнь, какъ на простую равнодѣйствующую фізіологическихъ процессовъ, или даже какъ на чисто субъективное отраженіе такихъ равнодѣйствующихъ. Изъ этого взгляда прямо вытекаетъ, что реальная причинность, изъ которой получаютъ эти равнодѣйствующія, должна лежать совсѣмъ внѣ психической сферы. Эта сфера въ такомъ случаѣ состоитъ изъ отраженій, знаковъ, символовъ реальныхъ агентовъ, но сама она не есть самостоятельный агентъ рядомъ съ ними: дѣйствуетъ въ насъ мозгъ, а душевная жизнь лишь переводитъ его измѣненія на свой осо-

бый субъективный языкъ. Къ этому нужно слѣлать важное добавленіе: подлинныя причины явленій нашей внутренней жизни не попадаютъ въ нее даже и въ качествѣ отраженій. Въ нашемъ внутреннемъ опытѣ даны лишь, такъ сказать, суммарные знаки переменъ въ нашемъ мозгѣ, но мы неспособны воспринять детальной картины молекулярныхъ процессовъ въ мозговыхъ клѣткахъ. Впрочемъ, еслибъ даже было иначе, и мы насквозь видѣли нашъ мозговой механизмъ, то и тогда то, что мы переживаемъ какъ свою самодѣтельность, все же оставалось бы совершенною иллюзіей. Нужно помнить о рѣзкомъ различіи между физической причинностью и тою, которая непосредственно испытывается нами, какъ дѣятельность нашего я. Какъ объ этомъ неоднократно приходилось уже говорить, причинность *психическая* отличается качественнымъ характеромъ и качественными мотивами: она направляется *стремленіями*, обусловливаемыми различною оцѣнкою переживаемыхъ нами состояній. Это, прежде всего, сказывается въ *тональности* ощущеній: одни изъ нихъ пріятны намъ, другія непріятны,—оттого однихъ мы ищемъ, другихъ избѣгаемъ. Власть удовольствій и страданій надъ теченіемъ душевныхъ процессовъ есть самое непосредственное и элементарное выраженіе психической активности, но и на всѣхъ дальнѣйшихъ ступеняхъ своего развитія она реализуется въ стремленіяхъ, руководимыхъ оцѣнкою цѣлей. Между тѣмъ въ нашемъ физическомъ организмѣ нѣтъ ничего отвѣчающаго этимъ понятіямъ о стремленіяхъ и оцѣнкѣ. Если онъ дѣйствительно подчиняется законамъ физики (а это признается всѣми), то всѣ его части, а, слѣдовательно, и онъ самъ безусловно подлежатъ *закону инерціи*: составляющія его матеріальныя частицы спокойны, когда ихъ ничто не толкаетъ,—онѣ съ необходимостью движутся, когда для того даны благоприятныя условія и когда имъ передано извнѣ извѣстное количество движенія опредѣленной скорости и въ опредѣленномъ направленіи. Кромѣ этого, въ физическихъ тѣлахъ, а стало быть, и въ организмахъ, ничего нѣтъ. Поэтому, когда

мы говоримъ о стремленіяхъ организмовъ охранять себя, объ ихъ усиліяхъ въ борьбѣ съ окружающею средой и т. д., мы лишь употребляемъ неумѣстныя аналогіи: эти стремленія и усилія только *видимость*, за которою прячется равнодушная къ какимъ бы то ни было задачамъ и оцѣнкамъ игра механическихъ законовъ, и эта видимость смѣняется другою видимостью—стремленія къ саморазрушенію, когда наступаетъ смерть организма. Если эта же самая механическая игра есть подлинный носитель и психической жизни, тогда и въ ней все, что обозначается словами: стремленіе, усиліе, самодѣятельность,—есть только видимость, только фальшивый символъ, скрывающій подъ собою нѣчто, совсѣмъ на него непохожее. И вотъ для психологіи ставится тяжелая, трудная и неблагодарная задача: изобразить все, что мы переживаемъ въ себѣ, какъ свою силу и дѣятельность, въ видѣ безсильной и бездѣйственной тѣни чего-то, что не имѣетъ съ ними ничего общаго.

Третій слабый пунктъ монистической теоріи не менѣе тѣсно привязанъ къ физиологическому схематизму, о которомъ я говорилъ раньше: въ монистической психологіи оказывается чрезвычайно много *окончательныхъ фактовъ*, далѣе необъяснимыхъ изъ законовъ и данныхъ психической жизни; для непосредственнаго самонаблюденія несомнѣнны внутреннее сродство и нерасторжимое единство этихъ фактовъ, и тѣмъ не менѣе эта прямо очевидная внутренняя связь въ популярныхъ психологическихъ представленіяхъ подмѣняется внѣшнею и случайною связью физиологическихъ агентовъ, функцію которыхъ эти факты должны составлять. Мы зло смѣемся надъ старою психологіей, съ ея способностями души, которыя до такой степени были обособлены другъ отъ друга, что представляли изъ себя какъ бы независимыя реальныя сущности, и все-таки дружно объединялись въ одно нераздѣльное цѣлое чуть не въ каждомъ психическомъ событіи; и мы не замѣчаемъ, что въ огромномъ большинствѣ распространенныхъ психологическихъ теорій мы имѣемъ тотъ же недостатокъ, притомъ

еще гораздо рѣзче и нагляднѣе выраженный, хотя и въ другихъ терминахъ. Еще съ временъ френологіи фізіологическіе носители отдѣльныхъ психическихъ свойствъ и дѣйствій представляются невѣроятно раздробленными, разбросанными и разъединенными между собою. Очень важный для фізіологіи и психологіи вопросъ о локализациі мозговыхъ функцій получаетъ обыкновенно слишкомъ категорическое толкованіе и освѣщеніе. Намъ серьезно кажется, что факты сознанія, или даже мельчайшіе элементы одного и того же психическаго состоянія, возникаютъ въ разныхъ мѣстахъ, иногда на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, существуютъ, поэтому, врозь и все же неисповѣдимыми путями сливаются въ нерасторжимое и цѣлостное единство. Ощущенія различныхъ чувствъ возникаютъ въ различныхъ центрахъ мозга (субкортикальных),—ихъ воспроизведеніе въ формѣ представленій, въ свою очередь, предполагаетъ совсѣмъ иную область мозговой дѣятельности (верхніе слои мозга), при чемъ каждый родъ представленій приуроченъ къ своей особой, отдѣльной области (такъ, центръ зрительныхъ представленій—въ затылочной долѣ, центръ слуховыхъ—въ височной, центръ осязательныхъ—въ темянной); далѣе, чувство пріятности или непріятности ощущеній требуетъ также спеціальныхъ условій въ мозговыхъ процессахъ (измѣненій въ кровообращеніи),—переходъ мысли въ волевой актъ опять долженъ задѣвать свои особые центры (психомоторные) и т. д. Возьмемъ наше воспріятіе какой-нибудь самой простой вещи,—лишь бы оно сопровождалось возбужденіемъ нѣсколькихъ чувствъ заразъ, сознаніемъ нашего прежняго знакомства съ этою вещью и пріятнымъ или непріятнымъ чувствомъ отъ нея, и попытаемся приблизительно намѣтить на анатомической картѣ мозга тѣ его части, которыя должны функціонировать, чтобы такое воспріятіе могло состояться: какой выйдетъ поразительный контрастъ между простотою психическаго событія и необыкновенною сложностью и разбросанностью его фізіологическаго коррелата. Какъ примирить и понять этотъ

контрастъ, если сохранять увѣренность, что этотъ коррелятъ есть исчерпывающая и вполне адекватная причина психическихъ фактовъ?

Обиліе окончательныхъ данныхъ въ психологіи представляетъ неизбежное и прямое слѣдствіе такой увѣренности. Обыкновенно смотрятъ иначе: очень часто въ новѣйшей психологіи превозносится именно единство ея объясненій и построеній; нерѣдко въ *ощущеніяхъ* видятъ тѣ послѣднія единицы, изъ которыхъ, помощью самыхъ простыхъ законовъ, можно построить полную картину нашей душевной жизни. Однако, если всмотримся внимательнѣе, дѣло получить другой видъ. Существуетъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые психологу-монисту приходится однообразно отвѣчать повтореніемъ однихъ и тѣхъ же соображеній: это есть окончательный фактъ нашего внутренняго опыта; имъ можно объяснять другіе факты, но для его собственнаго объясненія въ области психологическихъ понятій не оказывается никакихъ данныхъ. Почему вообще существуютъ ощущенія? Это фактъ, но чѣмъ же его объяснить? Почему въ состояніяхъ нашего сознанія отражаются не всѣ процессы мозговой коры, въ ихъ безконечной сложности и одновременномъ разнообразіи, а весьма немногіе, — особенно интенсивные? Это опять есть фактъ, который надо признать окончательнымъ. Почему надъ психическою сферою господствуетъ законъ *относительности*, т.-е. каждое психическое состояніе мы сознаемъ въ связи съ другимъ и иначе, вѣроятно, не могли бы и сознать его? Это опять только фактъ. Почему наши ощущенія не индифферентны, а въ большей или меньшей степени окрашены для нашего сознанія *тономъ*, т.-е. или противны для насъ или пріятны? Здѣсь мы опять имѣемъ фактъ — не больше. Почему процессы самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга частей мозга мы сплошь и рядомъ внутренне воспринимаемъ, какъ единое нераздѣльное цѣлое? Почему мы сознаемъ послѣдовательность нашихъ психическихъ состояній и непобѣдимо убѣждены въ реальности своего прошлаго, когда оно дав-

но перестало быть? Почему надъ воспроизводящею дѣятельностью нашей мысли тяготѣютъ законы смежности, сходства и контраста? Почему мы не пассивно воспринимаемъ окружающую насъ дѣйствительность, а отвѣчаемъ на ея воздѣйствія своими эмоціями и аффектами? Почему наши внутреннія состоянія подчиняются закону *самосохраненія*, заставляющему насъ однихъ искать, другихъ избѣгать? Почему мы сознаемъ единство нашей личности въ настоящемъ и прошломъ? Почему, наконецъ, мы вообще сознаемъ? Все это факты и только, и ихъ окажется еще гораздо больше, если захотѣтъ ихъ отыскивать. Для объясненія однихъ мы строимъ болѣе или менѣе остроумныя физиологическія схемы, для объясненія другихъ никакія физиологическія схемы очевиднымъ образомъ невозможны,—но для психолога они все же остаются окончательными, далѣе неразрѣшимыми данными. И какъ они разрознены, странны, безсвязны, загадочны, если сравнимъ ихъ съ ихъ предполагаемою основою и коррелятомъ,—съ физико-химическими процессами мозговыхъ клѣтокъ. Много нужно было остроумія и проницательности, чтобы изъ такихъ матеріаловъ построить, хотя и съ важными недомолвками, тусклый обликъ чего-то, что въ самомъ дѣлѣ напоминаетъ нашъ внутренній міръ.

II.

Что такая на физиологическомъ схематизмѣ построенная психологія, съ точки зрѣнія непосредственныхъ показаній внутреннего опыта, имѣетъ очень тенденціозный видъ, объ этомъ едва ли можно спорить. И вотъ для науки стоитъ вопросъ первостепенной важности: каково безотносительное достоинство основныхъ тенденцій монистической психологіи? Всякое ли психологическое изслѣдованіе должно непременно руководиться ими, или, рядомъ съ ними, при изученіи душевной жизни могутъ плодотворно примѣняться и другія руководящія предположенія? Повторяю, здѣсь идетъ дѣло о принципиальной цѣнѣ монистической гипотезы.—Совсѣмъ безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ и мнѣ-

нѣй рѣдко обходится какой-нибудь изслѣдователь въ какихъ бы то ни было областяхъ знанія. Но желательно ли, чтобы психологія навсегда замкнулась въ рамки фізіологическаго монизма и отправлялась отъ него во всѣхъ своихъ выводахъ, какъ отъ непререкаемой истины, или лучше было бы, если бы психологи видѣли въ немъ только гипотезу и, въ интересахъ объективности результатовъ психологическаго анализа, допускали возможность и другихъ гипотезъ?

Очевидно, чтобы считать фізіологическій монизмъ за непоколебимую истину, нужно, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ такой истиной. Итакъ, слѣдуетъ ли признавать монистическую гипотезу за нѣкоторую теоретическую аксіому? Можно указать на самыя вѣскія основанія для того, чтобы этого не дѣлать. Этой гипотезѣ безспорно принадлежитъ важное методологическое значеніе, какъ приему или способу изслѣдовать и толковать психическія явленія, но едва ли она можетъ претендовать на что-нибудь большее. Ея догматическому употребленію въ качествѣ положительнаго ученія объ истинной природѣ нашего психическаго міра рѣшительно препятствуютъ ея принципиальные логическіе недостатки: противъ нея, при такомъ къ ней отношеніи, поднимаются всѣ противорѣчія зауряднаго матеріализма, а вѣдь этимъ сказано очень много. Едва ли часто мы встрѣтимъ психологовъ, которые, какъ бы ни были они сильно убѣждены въ непреложности монистическихъ принциповъ въ своей наукѣ, легко согласились бы подписаться подъ катехизисомъ матеріалистической метафизики. Напротивъ, несостоятельность догматическаго матеріализма въ психологіи единодушно утверждается психологами самыхъ разнообразныхъ направленій. И все же *фізіологическая* или *физическая* теорія души, если ее признать совсѣмъ серьезно за полную истину, будетъ содержать тѣ же самыя противорѣчія, какія присущи ходячимъ матеріалистическимъ теоріямъ, и за которыя эти теоріи такъ часто осуждаются. Ахиллеса пята монизма,

какъ и матеріализма, прежде всего заключается въ совершенной невозможности сколько-нибудь ясно и понятно установить отношеніе между психическими и физическими фактами. Мнѣ уже такъ часто приходилось касаться этого пункта раньше, что я не стану о немъ распространяться долго, но все же не могу пройти его молчаніемъ совѣмъ. Коротко говоря, въ физиологическомъ монизмѣ за основу психической жизни берутся такіе процессы, отъ которыхъ къ ней нѣтъ никакого мыслимаго и выражимаго въ какихъ-нибудь логическихъ категоріяхъ перехода. Въ самомъ дѣлѣ, какъ относятся психическія явленія,—наши ощущенія, мысли, чувствованія, желанія,—къ движеніямъ мозга или какой бы то ни было другой физической среды (напр., ээира), какую предпочтутъ признать за непосредственный источникъ психической жизни? Скажемъ ли мы, что душевныя явленія и сопровождающія ихъ физическія движенія совѣмъ одно и то же, такъ что между ними нѣтъ никакой разницы, и, напр., наша мысль о своемъ мозгѣ есть совѣмъ одно съ тѣми сложными физико-химическими процессами въ клѣткахъ мозговой коры, которые представляютъ физическое соотвѣтствіе этой нашей мысли? По справедливому замѣчанію Паульсена *), противъ этого утвержденія крайне трудно спорить, но только потому, что оно совершенно лишено смысла. Онъ говорить: „Положеніе: мысли суть собственно не что иное, какъ движенія въ мозгѣ, чувства не что иное, какъ тѣлесныя явленія въ сосудодвигательной системѣ,—это положеніе вполнѣ неопровержимо, не потому конечно, что оно истинно, а потому что оно абсолютно безсмысленно. Безсмысленное раздѣляетъ съ истиной то преимущество, что оно не можетъ быть опровергнуто. Мысль, которая есть въ сущности не что иное, какъ движеніе, есть желѣзо, которое собственно деревянно. Противъ этого нельзя спорить; можно только сказать: подъ мыслью я разумѣю мысль, а не движеніе мозговыхъ молекулъ, и точ-

*) „Введеніе въ философію“. Изданіе Моск. Псих. Общ., стр. 84

но также словами—гнѣвъ и страхъ я обозначаю именно самыя гнѣвъ и страхъ, а не суживаніе или расширение кровеносныхъ сосудовъ“. Дѣйствительно, утверждать, напр., что ощущеніе краснаго есть просто и только движеніе атомовъ мозга, въ которыхъ однако нѣтъ ничего краснаго, или что идея безконечнаго пространства есть также движеніе атомовъ, которые однако въ нашемъ черепѣ не образуютъ никакого безконечнаго пространства, есть то же, что сказать, что черное есть бѣлое или что квадратъ есть кругъ. Такія утвержденія опровергать очень трудно, потому что нельзя доказывать различіе тамъ, гдѣ оно очевидно, гдѣ его нельзя не замѣтить, и гдѣ его тѣмъ не менѣе не видятъ. При такомъ положеніи дѣла не помогутъ самыя утонченныя аргументы. Но если утвержденій о полномъ тождествѣ психическихъ и физическихъ фактовъ нельзя опровергнуть, ихъ все же слѣдуетъ непремѣнно отвергнуть именно потому, что они представляютъ чистѣйшій абсурдъ для всякаго яснаго ума.

Или мы объяснимъ отношеніе душевной жизни къ ея физическому носителю въ томъ смыслѣ, что она есть *продуктъ* физическихъ процессовъ? Но едва мы допустимъ это, какъ немедленно попадемъ въ цѣлый рядъ совершенно безысходныхъ недоумѣній: вѣдь физико-химическіе процессы должны приводить къ опредѣленнымъ *физико-химическимъ* продуктамъ,—иначе уничтожается всякое понятіе о физико-химическомъ процесѣ. Между тѣмъ субъективныя состоянія нашего сознанія,—ощущенія, мысль, воля, чувство,—разсматриваемыя сами въ себѣ, не имѣютъ ни физическихъ, ни химическихъ свойствъ; какъ же они будутъ продуктомъ физико-химическихъ имѣній? Это замѣчаніе можно обобщить: теперь упорнѣе, чѣмъ когда-нибудь, настаиваютъ на распространеніи закона сохраненія энергіи на всѣ физическіе процессы, когда бы и гдѣ бы они ни совершались. Но законъ сохраненія энергіи, какъ точная механическая теорема, предполагаетъ въ качествѣ неизбѣжнаго условія своей истинности, тотъ общій фактъ, что всякое движеніе

способно породить только или другое движение или новое расположение матеріальныхъ частицъ (если кинетическая форма энергіи переходитъ въ потенціальную). Однако психическія явленія, взятая сами по себѣ, какъ состоянія сознанія, непротяженны,—стало-быть, не движутся въ пространствѣ и не слагаются изъ матеріальныхъ частей,—въ этомъ согласны всѣ психологи. Не значитъ ли это, что если въ самомъ дѣлѣ физическое движение порождаетъ психическія состоянія или превращается въ нихъ, то всякій разъ, когда въ мозгу или гдѣ бы то ни было возникаетъ психическое состояніе, законъ сохраненія энергіи бываетъ рѣзко нарушенъ? Извѣстная сумма физической энергіи при этомъ неизбежно исчезаетъ, а на ея мѣсто появляется нѣчто такое, что не имѣетъ никакихъ физическихъ признаковъ и невыразимо ни въ какихъ механическихъ понятіяхъ, т.-е. эта сумма физической энергіи исчезаетъ, не замѣняясь соответственной суммой той же энергіи. Впрочемъ, помимо ссылки на законъ сохраненія энергіи (его роль въ качествѣ всеобщей формулы всякихъ физическихъ дѣйствій во всякомъ случаѣ лишь гадательна *)), мы невольно должны остановиться передъ слѣдующимъ простымъ возраженіемъ: механическое движение, какія бы сложныя формы мы ему ни приписывали, одинаково будетъ далеко отстоять по всѣмъ своимъ свойствамъ отъ свойствъ и качествъ нашего психическаго міра,—какъ же оно можетъ быть адекватною причиною психическихъ состояній? Не должно ли для этого что-то къ нему прибавиться и что-то въ немъ существенно измѣниться, а какъ это возможно, если въ немъ ничего не содержится, кромѣ него самого?

Вотъ простыя соображенія, которыя неизбежно заставляютъ отказаться отъ мысли, что физическіе, химическіе, вообще механическіе процессы вещества могутъ быть дѣйствительными, исчерпывающими причинами психическихъ фактовъ. Въ виду этого защитники монистической гипотезы

*) См. мои «Положительныя задачи философіи», ч. II, стр. 201—204.

часто бываютъ вынуждены обратиться къ иному ряду предположеній, общій смыслъ которыхъ можно выразить такъ: наши обычные представленія о матеріальномъ бытіи недостаточны. Когда дѣло идетъ о толкованіи фактовъ внѣшняго опыта, мы можемъ удовлетвориться тѣми понятіями о веществѣ, которыя доставляетъ механика, физика, химія; но это вовсе не значитъ, что въ механическихъ, физическихъ и химическихъ свойствахъ матеріальнаго міра раскрывается до конца его внутреннее существо. Матеріальная вселенная для насъ есть прежде всего міръ объектовъ, мы смотримъ на вещи съ внѣшней точки зрѣнія,—поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что для насъ на первый планъ выступаютъ ихъ внѣшнія отношенія и признаки. Значитъ ли это однако, что, кромѣ этихъ отношеній и признаковъ, ничего въ природѣ и нѣтъ? Что мѣшаетъ предположить, что внутренняя суть матеріальнаго переживаетъ ряды субъективныхъ состояній, аналогичныхъ тѣмъ психическимъ фактамъ, которые мы наблюдаемъ въ самихъ себѣ? Отчего не думать, что эти субъективныя состоянія являются даже основою и для внѣшнихъ отношеній между предметами? Въ предположеніи такой всеобщей одушевленности нѣтъ ничего противорѣчащаго логикѣ. Между тѣмъ, куда тогда дѣнется загадочность перехода отъ физическаго къ психическому? Тогда никакого перехода и нѣтъ: въ нашемъ сознаніи раскрывается то самое, что присутствуетъ и во всемъ остальномъ мірѣ; только въ насъ субъективныя состоянія сосредоточены, объединены, собраны и развиваются въ самыя сложныя формы,—въ остальной природѣ они разсѣяны, болѣе элементарны и грубы.

Эта гипотеза нерѣдко получаетъ очень неясный видъ: такъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда психическая жизнь приписывается элементамъ вещества не въ качествѣ ихъ *дѣйствительнаго*, а только *потенціальнаго* достоянія, т.-е. лишь въ качествѣ возможнаго ея развитія при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Сторонники такого пониманія обыкновенно не замѣчаютъ, что они стоятъ на точкѣ зрѣнія вуль-

гарнаго матеріализма и только скрываютъ ее за темнымъ и схоластическимъ понятіемъ *возможности* или *способности*, нисколько однако не освобождая этимъ своего взгляда отъ свойственныхъ ему противорѣчій. У нихъ выходитъ такъ: молекулы вещества, пока онѣ не соединились въ организмы, имѣютъ только физическія свойства и никакихъ другихъ; но войдя въ организмъ, онѣ *оказываются способными* порождать психическія состоянія. Почему же однако онѣ къ этому способны и какъ могутъ быть способны? Вѣдь, какъ мы сейчасъ видѣли, именно переходъ отъ внѣшнихъ свойствъ матеріи къ внутреннему содержанію душевной жизни представляетъ для мысли непобѣдимыя трудности. Слишкомъ ясно, что такая гипотеза не рѣшаетъ вопроса, а предполагаетъ его разрѣшеннымъ; въ ея основѣ лежитъ логическій кругъ, спрятанный за двусмысленнымъ словоупотребленіемъ.

Однако гипотеза всеобщаго одушевленія иногда получаетъ несравненно болѣе законченный и содержательный обликъ. Я разумѣю тѣ ученія, въ которыхъ совершенно серьезно предполагается, что элементы всякой дѣйствительности суть субстанціальныя центры внутренней силы, — живыя монады, всегда испытывающія какія-нибудь внутреннія состоянія, какъ бы ни были они рудиментарны и смутны. Съ этой точки зрѣнія, каждый атомъ есть изначала субъектъ своей особой внутренней жизни. И вотъ, при такомъ взглядѣ, можетъ возникнуть весьма естественная попытка объяснить нашу психическую жизнь, какъ сконцентрированное, коллективное выраженіе безчисленныхъ сознаній и самочувствій тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ складывается наше тѣло или, по крайней мѣрѣ, нашъ мозгъ и нервная система. Такое воззрѣніе будетъ строго монистичнымъ, и въ то же время оно, повидимому, возвышается надъ многими недостатками монизма въ его обыкновенной формѣ. Можно ли однако это воззрѣніе считать въ логическомъ отношеніи безупречнымъ?

Здѣсь прежде всего представляется невольное недоумѣ-

ніе: почему, если для атомнаго сознанія мы предполагаемъ существованіе обладающихъ имъ субстанціальныхъ субъектовъ (каковыми являются сами атомы), то для своего собственнаго сознанія мы такого субъекта не требуемъ и думаемъ, что оно можетъ быть коллективнымъ результатомъ *чужихъ* сознаній (потому что внутренняя жизнь отдѣльныхъ атомовъ для насъ закрыта)? Казалось бы, тутъ нѣтъ середины: или сознаніе вообще предполагаетъ присущій ему субъектъ, которому оно принадлежитъ, или не предполагаетъ его. Во всякомъ случаѣ, въ понятіи *коллективнаго сознанія* заключаются не малыя трудности,—это только метафора, которая обращается въ нѣчто совсѣмъ противорѣчивое и смутное, если ее принять въ буквальный смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, если наше сознаніе есть явленіе коллективное, то коллекцію чего оно составляетъ? Сознаній атомныхъ? Мы, конечно, о нихъ ровно ничего не знаемъ, однако все, что мы можемъ предположить въ этой области, скорѣе заставляеть думать о совершенномъ несходствѣ субъективныхъ состояній элементарнаго атома съ психическою жизнію нашего я,—иначе мы будемъ повинны въ самомъ грубомъ антропоморфизмѣ. Какъ же изъ сознаній отдѣльныхъ атомовъ склеить наше сознаніе,—повидимому, ни въ чемъ на нихъ непохожее? Наконецъ, нужно же считаться съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ нашего внутренняго опыта, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, какъ живутъ и что чувствуютъ отдѣльные атомы нашего тѣла. Или мы допустимъ, что кромѣ низшихъ центровъ сознанія атомовъ, существуютъ монады высшія, которыя представляютъ изъ себя души мозговыхъ клѣтокъ, нервныхъ узловъ, можетъ быть, цѣлыхъ участковъ мозговой коры, и что наше сознаніе складывается изъ сознаній этихъ высшихъ монадъ? Но отчего тогда не идти до конца и не признать существованія единого высшаго психическаго центра въ нашемъ организмѣ, который сознается нами, какъ наше я? А вѣдь это и будетъ наша единая душа, отличная отъ тѣлесныхъ процессовъ, хотя и связанная съ ними, т.-е. вмѣ-

сто монизма мы получимъ дуализмъ: душа явится особою монадою, отличною отъ тѣхъ монадъ, которыя составляютъ тѣло; между тѣмъ подъ дуализмомъ въ психологіи только и разумѣется признаніе реального различія между душою и тѣломъ. Прибѣгнемъ ли мы и въ данномъ случаѣ, чтобы уклониться отъ дуалистическихъ выводовъ, къ тому весьма популярному предположенію, что наше сознание есть просто равнодѣйствующая различныхъ состояній въ элементахъ мозга? Однако, слѣдовало бы понять разъ навсегда, какъ явно злоупотребляемъ мы понятіемъ *равнодѣйствующей*, во всякихъ подобныхъ объясненіяхъ. Вѣдь равнодѣйствующая, по правиламъ механики, возникаетъ тогда только, когда импульсы къ движеніямъ по разнымъ направленіямъ сообщаются *одной и той же неподвижной точкѣ*; если же они вызываются въ разныхъ точкахъ, то изъ этого не получится никакой равнодѣйствующей, а послѣдуетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ и одновременныхъ движеній. То же самое разсужденіе, если только мы хотимъ сохранить смыслъ за избранной нами аналогіей, очевидно, должно прилагаться и къ отношенію элементарныхъ сознаний въ клѣткахъ нашего мозга къ нашему личному сознанію: чтобы такое сознание могло возникнуть въ качествѣ равнодѣйствующей, необходимо, чтобы существовалъ его недѣлимый носитель, въ которомъ собираются, суммируются и объединяются возбужденія, исходящія отъ низшихъ центровъ. Иначе никакого равнодѣйствующаго сознанія не будетъ, а останется безчисленное множество сознаний мозговыхъ клѣтокъ, молекулъ или даже атомовъ въ ихъ обособленности другъ отъ друга. Именно *единство сознанія*, полагающее непобѣдимыя границы между моимъ сознаніемъ и чужимъ, какъ бы ни было сходно ихъ содержаніе, оказывается непонятнымъ, невозможнымъ и немыслимымъ при множественности сознающихъ центровъ. Какъ въ толпѣ людей нѣтъ одного личнаго я, и мы только въ переносномъ смыслѣ говоримъ объ ея единомъ настроеніи, единомъ чувствѣ и т. д., разумѣя подъ этимъ просто однородность душевныхъ движеній

у составляющихъ ее лицъ и ихъ взаимное вліяніе другъ на друга,—такъ и въ агрегатѣ сознающихъ клѣтокъ не можетъ возникнуть единого сознанія, хотя внутреннее состояніе каждой изъ нихъ можетъ испытывать разнообразныя вліянія отъ другихъ клѣтокъ: все же въ такомъ агрегатѣ будетъ много сознаній, а не одно, какъ и въ толпѣ. Если при этомъ, согласно принципу локализаціи психическихъ функций въ различныхъ областяхъ мозга, мы припишемъ мозговымъ клѣткамъ различія по ихъ психическому содержанию, то изъ взаимодействія такихъ клѣтокъ такъ же мало могутъ получиться внутренне-единые психическіе факты, какъ не выйдетъ одного сужденія изъ того, что одинъ человѣкъ будетъ мыслить подлежащее, не думая однако о сказуемомъ, а другой будетъ думать о сказуемомъ, нисколько не имѣя въ виду подлежащаго.

Когда сообразимъ все это, мы ясно поймемъ, что переходъ отъ предполагаемаго сознанія одушевленныхъ монадъ, составляющихъ нашъ организмъ, къ единому человѣческому сознанію едва ли менѣе труденъ, чѣмъ логическій переходъ отъ движеній совершенно безсознательныхъ атомовъ къ сознанію вообще. Гипотеза всеобщаго одушевленія можетъ быть полезна, но только при допущеніи особаго психическаго центра для индивидуальнаго сознанія человѣка, т.-е. только на почвѣ дуализма.

Сейчасъ разсматриваемыя попытки обосновать монистическую точку зрѣнія черезъ преобразование нашихъ понятій о внутренней природѣ вещества получаютъ гораздо болѣе радикальный видъ, когда онѣ опираются на выводы критической философіи Канта. По ученію Канта, пространство, время, даже всякая множественность и причинная зависимость вещей—суть только формы нашего пониманія и познаванія, а не свойство дѣйствительности въ ней самой. Къ такому взгляду очень близко стоитъ выводъ, что реальное въ себѣ и независимо отъ нашихъ познавательныхъ дѣйствій находится всецѣло внѣ этихъ опредѣленій, — оно должно быть непространственно, невременно, едино, абсо-

лютно свободно. Такимъ должно быть вещество, поскольку оно существуетъ въ себѣ, какъ основа явленій сознанія,—таково и наше тѣло, какъ дѣйствительный носитель психической жизни. Именно этимъ путемъ шелъ Шопенгауэръ въ своихъ воззрѣніяхъ на существо человѣка. Для него истинная сущность всѣхъ вещей есть единая міровая воля, которую мы непосредственно воспринимаемъ въ самихъ себѣ, какъ внутренній двигатель нашего существованія. Она же есть и внутренняя сущность нашего тѣла: наше тѣло есть сама всемірная воля, поскольку она объективировалась въ нашемъ условномъ представленіи. Поэтому все, чѣмъ тѣло отличается отъ всемірной воли, есть только представленіе или субъективное явленіе нашего сознанія,—иначе сказать, только призракъ. И подобными же призраками оказываются у Шопенгауэра и млечный путь, и звѣзды, и солнце, и сама матерія съ ея механическими, физическими и химическими свойствами: существуетъ одна воля и ничего, кромѣ нея. Такое воззрѣніе нельзя не признать монистическимъ въ высочайшей степени, — трудно только понять, что можетъ отъ него выиграть *монизмъ физиологическій*? Вѣдь нашъ тѣлесный организмъ, ограниченный въ пространствѣ и времени, обусловленный въ своемъ бытіи сложнымъ дѣйствіемъ физическихъ законовъ, не имѣетъ ни одной черты сходства съ безпространственной, безвременною, абсолютно свободною волею. Поэтому, монизмъ Шопенгауэра слѣдуетъ скорѣе назвать *спиритуалистическимъ*: воля все-таки психологическое понятіе, хотя и освѣщенное у Шопенгауэра весьма односторонне. И это потому только монизмъ, что существованіе нашего тѣла и вообще какихъ бы то ни было матеріальныхъ вещей отрицается совершенно. Только грубая непослѣдовательность и забвеніе основныхъ посылокъ собственной системы позволяютъ Шопенгауэру такъ часто говорить о душевной жизни, какъ о продуктѣ мозга. И въ этой непослѣдовательности оказываются повинными всѣ кантіанцы, которые, забывъ, что для нихъ и пространство, и время, и движущееся въ нихъ ве-

щество, да и всѣ законы природы въ придачу—суть только порожденія мысли, начинаютъ разсматривать самую мысль, какъ произведеніе матеріальныхъ процессовъ.

Изъ того, что изложено до сихъ поръ, ясно можно видѣть, что какъ бы ни преобразовывали мы наше понятіе о веществѣ и какъ бы ни утончали его, мы все же не достигнемъ того, чтобы происхожденіе нашей душевной жизни отъ физиологическихъ процессовъ мозга, какъ отъ своей исчерпывающей и достаточной причины, стало мыслимымъ и вѣроятнымъ. Приходится разъ навсегда убѣдиться, что между матеріей и психическими фактами существуетъ какое-то другое отношеніе, а не отношеніе основы къ ея явленіямъ. Отъ этого сознанія отправляются попытки оправдать монистическую гипотезу изъ принциповъ *параллелизма*. Коренное его предположеніе формулируется такъ: ни физическія явленія не могутъ быть причиною психическихъ, ни, наоборотъ, психическія—физическихъ. И психическая, и физическая сферы явленій развиваются каждая сама по себѣ, сообразно своимъ особымъ законамъ, никогда не задѣвая другъ друга, и тѣмъ не менѣе онѣ во всей природѣ идутъ шагъ въ шагъ, совпадая въ своихъ результатахъ во всѣхъ пунктахъ міровой жизни: каждое физическое явленіе имѣетъ свое психическое соотвѣтствіе и обратно. Это зависитъ отъ того, что и физическій, и психическій порядки явленій представляютъ отраженія единой міровой сущности, которая раскрывается въ каждомъ изъ нихъ сполна и независимо отъ другого. Когда-то разсмотрѣнію этой теоріи я посвятилъ особую статью *), и теперь едва ли было бы уместнымъ опять пускаться въ подробную оцѣнку ея труднаго, иногда очень искусственнаго содержанія. Отмѣчу лишь тотъ несомнѣнный фактъ, что ни одному приверженцу параллелизма не удалось до сихъ поръ не только доказать необходимость непремѣннаго совпаденія во всѣхъ звеньяхъ этихъ двухъ разнородныхъ, независимыхъ,

*) „Вопросы фил. и псих.“, кн. 28, май 1895 г. „Параллелистическая теорія душевной жизни“.

замкнутыхъ въ себѣ рядовъ явленій, но даже показать простую мыслимость такого совпаденія. Психическая и физическая сфера представляютъ два разные міра, совершенно несходные по своимъ качествамъ, движимые различными законами, никакъ другъ на друга не вліяющіе, — кто же можетъ ихъ принудить непрестанно воспроизводить другъ друга? Сошлемся ли мы на единую сущность міра? Но что это за странная сущность, которая одинаково хорошо копируется въ двухъ разныхъ образахъ, не имѣющихъ никакого подобія между собою? Впрочемъ, для насъ въ данномъ случаѣ интересны не эти внутреннія противорѣчія параллелистическаго міросозерцанія: намъ важно то, что въ параллелистической гипотезѣ, если ей придавать объективное значеніе, не оказывается никакого монизма. Напротивъ, если задумаемся въ нее внимательно, то скоро увидимъ, что мы имѣемъ въ ней абсолютный *дуализмъ*, распространенный на всю вселенную и доведенный до самыхъ крайнихъ и абсурдныхъ послѣдствій. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ новое подтвержденіе тому, что попытки послѣдовательнаго проведенія монистическаго взгляда приводятъ къ своему противоположному — къ *дуализму*.

Къ какому же окончательному выводу должны мы прійти? Для физиологическаго монизма нельзя придумать такой формы, въ которой его можно было бы признать за теоретическую истину; напротивъ, всѣ его мыслимыя видоизмѣненія заключаютъ въ себѣ глубокія логическія противорѣчія. Это значитъ, что онъ можетъ имѣть цѣну лишь въ качествѣ гипотезы регулятивнаго характера, — иначе сказать, въ видѣ метода изслѣдованія. Но какъ мы знаемъ, и съ этой стороны гипотеза физиологическаго монизма представляетъ важные недостатки: итакъ, нѣтъ основанія ограничиваться ею одной. Спиритуализмъ также долженъ имѣть право гражданства въ психологической наукѣ, хотя бы въ качествѣ метода. Спиритуалистическая гипотеза имѣетъ уже то достоинство, что она даетъ совсѣмъ другую картину душев-

ной жизни, во многихъ отношеніяхъ противоположную той, которая предносится современнымъ психологамъ, и въ то же время болѣе близкую къ показаніямъ непосредственнаго опыта. Существуютъ у нея и другія важныя преимущества, о которыхъ я скажу въ слѣдующихъ главахъ моей статьи.

III.

Когда какія-нибудь явленія находятся въ зависимости отъ нѣкотораго опредѣленнаго фактора, но при этомъ имѣютъ особенности и признаки, изъ этого фактора вовсе не вытекающіе, то эти явленія нельзя объяснять имъ однимъ, хотя бы ихъ зависимость отъ него была для насъ несомнѣнна. Это есть самоочевидное правило логики, между прочимъ лежащее въ основаніи *метода остатковъ*. Химическое образованіе воды предполагаетъ наличность водорода, но все же вода не возникнетъ тамъ, гдѣ присутствуетъ только одинъ водородъ: рядомъ съ нимъ должно быть дано другое химическое начало, кислородъ,— и вода получается только черезъ соединеніе, въ опредѣленной пропорціи, водорода съ кислородомъ. Или когда я брошу камнемъ, онъ опишетъ кривую и упадетъ; это движеніе по кривой будетъ обусловлено дѣйствіемъ силы тяжести. Но было бы весьма неосновательнымъ заключать изъ этого, что полетъ камня вызванъ и произведенъ только тяжестью, потому что онъ не менѣе очевидно зависитъ отъ силы взмаха моей руки, т.-е. отъ той первоначальной скорости, которую мы сообщили камню, отъ даннаго ему направленія и т. д. Подобнаго рода примѣровъ можно было бы привести множество. И во всѣхъ нихъ содержится одно и то же поученіе: стремленіе къ единству объясняющаго принципа явленій очень почтенно; но ему въ природѣ постоянно противоборствуетъ фактъ *множественности причинъ*. И когда, ради предвзятыхъ поисковъ за единствомъ, мы забываемъ живое разнообразіе двигателей дѣйствительности, мы не объясняемъ вещей, а только искажаемъ ихъ. *Монизмъ* очень плодотворный принципъ тамъ, гдѣ его можно провести безъ натяжки и наси-

лія надъ фактами, но если ради него приходится закрывать глаза на весьма существенныя особенности изучаемыхъ явленій, онъ оказывается только предразсудкомъ, иногда очень вреднымъ.

Мнѣ кажется, что въ психологіи, при современномъ состояніи знаній, желаніе установить, во что бы то ни стало, *монизмъ*, какъ объясняющее и руководящее начало, есть также своего рода популярный предразсудокъ, имѣющій свои дурныя стороны. Въ своихъ монистическихъ исканіяхъ мы немножко напоминаемъ упрямаго химика, который непремѣнно захотѣлъ бы произвести воду изъ одного водорода. Трудно указать фактъ болѣе безспорный, какъ тѣсная зависимость душевныхъ процессовъ отъ тѣлесныхъ отправленій. Несомнѣнно, что эта связь гораздо глубже, чѣмъ думали иногда раньше: она касается не только низшихъ и элементарныхъ проявленій душевной жизни, но и самыхъ высшихъ; безъ преувеличенія можно сказать, что она обнимаетъ всю скѣлу психическихъ состояній. Но что же означаетъ эта связь? Въ какой мѣрѣ обусловливается психическое содержаніе нашего сознанія чисто физиологическими актами? Въ какой степени непрерывно параллельны потоки психическихъ и физиологическихъ перемѣнъ? Испытываетъ ли только психическая сфера воздѣйствія отъ физической, или и обратно—физическій ходъ процессовъ въ нашемъ мозгу и нервной системѣ измѣняется чрезъ вліяніе чисто психическихъ факторовъ? Все это вопросы, которые мы иногда рѣшаемъ очень категорично, но рѣшаемъ безъ достаточныхъ данныхъ.

И вотъ мы стоимъ предъ слѣдующимъ фактомъ: какъ бы ни была тѣсна связь между психическими и физиологическими процессами, хотя бы мы предположили, что послѣдовательность психическихъ состояній всецѣло и непрерывно предопредѣляется развитіемъ явленій чисто физиологическихъ, въ одномъ пунктѣ у насъ останется неустранимое затрудненіе: физическими данными нельзя объяснить того, чѣмъ психическое *отличается* отъ всего физическаго.

Употребляя прежнее сравненіе, изъ свойствъ одного водорода мы не въ состояніи объяснить, что *различаетъ* воду отъ водорода. Пускай наши мысли проходятъ въ нашемъ умѣ въ извѣстномъ порядкѣ не по причинѣ своего идеальнаго сродства и не въ силу внутренней логики связывающихъ ихъ отношеній, а просто потому, что въ нашихъ мозговыхъ центрахъ съ фатальною необходимостью развиваются другъ за другомъ различные физико-химическіе процессы. Для насъ, все-таки, остается вопросъ, почему въ нашемъ сознаніи протекаютъ именно *мысли* со всѣмъ ихъ рѣшительнымъ различіемъ отъ какихъ бы то ни было физико-химическихъ явленій? Пускай наши ощущенія возникаютъ въ результатѣ очень сложныхъ процессовъ въ воспринимающихъ органахъ, въ проводящихъ нервахъ, въ мозговыхъ центрахъ,—почему, какъ слѣдствіе этихъ процессовъ, получается именно *ощущеніе*, во всемъ его разительномъ несходствѣ съ ними? Какъ мы могли убѣдиться, никакія преобразованія понятія о матеріи не помогутъ намъ отвѣтить на эти вопросы и перекинуть дѣйствительность между объективными процессами въ тѣлесномъ организмѣ и нашимъ субъективнымъ сознаніемъ. Скажутъ ли, что въ жизни нашего сознанія физическіе процессы просто переводятся на субъективный языкъ психическихъ знаковъ и символовъ? Но, вѣдь, мы спрашиваемъ именно о томъ, почему существуетъ этотъ *субъективный* языкъ, и какая сила совершаетъ переводъ на него вовсе несходнаго съ нимъ содержанія? Если психическіе факты суть субъективныя отраженія физиологическихъ процессовъ, то тѣмъ самымъ предполагается, что въ нашемъ организмѣ, кромѣ этихъ отражаемыхъ процессовъ, дано какъ бы нѣкоторое отражающее ихъ зеркало, которое собираетъ въ единый фокусъ сознанія разрозненные лучи, исходящіе изъ различныхъ пунктовъ нашего мозга. Безъ чего-либо подобнаго этому отношенію, существованіе чего-нибудь субъективнаго въ насъ является непонятнымъ и немыслимымъ въ самомъ строгомъ значеніи этихъ словъ.

Сопоставленіе психической сферы съ зеркаломъ, какъ и всякое сравненіе, имѣетъ, однако, свои недостатки и даетъ психологической проблемѣ одностороннее освѣщеніе. Наше сознаніе не только зеркало, которое равнодушно отражаетъ все, что происходитъ передъ нимъ. Давно замѣчено, что духъ нашъ есть зеркало невѣрное, отражающее физическую дѣйствительность не въ ея настоящемъ видѣ. Качественно однородныя, непрерывныя въ градаціи степеней, инертныя движенія матеріальныхъ частей нашего организма изображаются въ немъ въ формѣ качественно различныхъ, раздѣльныхъ и обособленныхъ другъ отъ друга психическихъ знаковъ; и это качественное разнообразіе въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, что это предполагаемое зеркало относится къ воздѣйствіямъ на него не пассивно: оно однимъ отраженіямъ сопротивляется, къ другимъ—стремится. Различія пріятнаго и непріятнаго, желательнаго и противнаго, хорошаго и дурного коренятся въ этомъ свойствѣ нашей сознающей силы—не быть безразличною къ воздѣйствіямъ извнѣ. Оттого въ нашемъ внутреннемъ опытѣ мы имѣемъ дѣло не только съ подобіемъ зеркала, а съ чѣмъ-то гораздо большимъ. То, что въ насъ знаетъ, есть, въ то же время, источникъ дѣйствій и стремленій къ дѣйствию. Само наше сознаніе непосредственно испытывается нами, какъ дѣятельность усвоенія разнообразныхъ данныхъ опыта въ единомъ актѣ пониманія или усмотрѣнія ихъ. Эти свойства психической сферы обладаютъ для насъ прямою достовѣрностью и очевидностью: ихъ можно различно стараться объяснить, но нельзя отрицать ихъ *субъективнаго присутствія* въ насъ.

Между тѣмъ мы убѣдились, что попытки объяснить эти свойства какъ только кажущуюся видимость и обосновать ее изъ физическихъ схемъ, какъ бы онѣ остроумны ни были, всякій разъ лишь даютъ доказательство полной несоизмѣримости какихъ бы то ни было физическихъ схемъ съ дѣйствительнымъ содержаніемъ психическихъ процессовъ. Не значитъ ли это, что рядомъ съ весьма сложнымъ

физическимъ составомъ мы должны признать въ нашемъ организмѣ присутствіе нѣкотораго особаго агента, функція котораго состоитъ, прежде всего, въ переводѣ физиологическихъ измѣненій на субъективный языкъ со всѣми его сейчасъ указанными особенностями? Что этотъ субъективный языкъ, — наше сознаніе, существуетъ, это есть самый несомнѣнный фактъ изъ всѣхъ возможныхъ для каждаго изъ насъ; и что этотъ фактъ имѣетъ причину, это также должно быть безспорнымъ для всякаго, кто полагаетъ, что нѣтъ въ мірѣ безпричинныхъ вещей. Съ другой стороны, такую причину не могутъ быть физическіе процессы въ виду ихъ абсолютной несоизмѣримости съ этимъ фактомъ: эта причина должна имѣть особую природу сравнительно съ предметами и явленіями, о которыхъ вѣдаетъ физика и которые всецѣло подчиняются ея законамъ. Такого дѣятеля, отличнаго отъ тѣла, хотя весьма тѣсно связаннаго съ нимъ въ своихъ проявленіяхъ, лежащаго въ основѣ сознанія во всей совокупности его состояній и дѣйствій, мы называемъ *душою*. Итакъ, нужно признать душу, если мы не хотимъ вѣчно уподобляться химику, который бесплодно хлопочетъ о томъ, чтобы сдѣлать воду изъ одного водорода.

Въ ученіи о душѣ, какъ самостоятельномъ источникѣ и носителѣ субъективныхъ явленій, переживаемыхъ нами, заключается сущность *спиритуалистической гипотезы*. И теперь можно видѣть, что она представляетъ собою нѣчто болѣе важное, чѣмъ простая, гипотеза: по всѣмъ признакамъ въ ней идетъ рѣчь о положительной истинѣ; окончательную формулу нашихъ предшествующихъ разсужденій можно выразить такъ: психическія явленія несомнѣнно существуютъ, и ихъ ничѣмъ нельзя объяснить, кромѣ души. Но будемъ пока смотрѣть на спиритуализмъ лишь какъ на гипотезу, объясняющую отдѣльные факты душевной жизни. Что заставляетъ противъ него спорить и съ нимъ бороться? Осужденіе спиритуалистическихъ взглядовъ внушается ли простымъ предубѣжденіемъ или для него существуютъ серьезныя основанія?

Главный упрекъ противъ спиритуалистической гипотезы, мнѣ кажется, сводится къ тому, что она, съ одной стороны, влечетъ къ пренебреженію психофизическими изслѣдованіями, а съ другой—къ преувеличенной и невѣрной оцѣнкѣ очень многихъ фактовъ нашего внутренняго опыта. Признавъ духъ за независимое, субстанціальное существо, спиритуалисты ради этого стараются представить его возможно болѣе свободнымъ отъ вліяній тѣла; точно такъ же ради этого они приписываютъ нѣкоторымъ психическимъ свойствамъ и законамъ, несомнѣнно реальнымъ, незаслуженно абсолютное значеніе, забывая объ ихъ относительности. Таково единство нашего сознанія, внутреннее тожество нашего я, неизмѣнность нашей личности и т. д. Все это въ самомъ дѣлѣ дано въ насъ, но въ ограниченныхъ и постоянно колеблющихся предѣлахъ, и мы искажаемъ истинное положеніе вещей, когда видимъ въ этихъ явленіяхъ адекватное изображеніе нашего субстанціального субъекта въ немъ самомъ.

Если такой приговоръ и можетъ показаться справедливымъ, то только по отношенію къ крайнимъ тенденціямъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ спиритуалистовъ, но никакъ не къ спиритуализму въ коренномъ смыслѣ этого воззрѣнія. Связь души съ тѣломъ *принципіально* признавалась всѣми спиритуалистами, а въ настоящее время ея глубокое и всеохватывающее значеніе является общепризнаннымъ фактомъ, съ которымъ одинаково придется считаться *всякой гипотезѣ*. Если прежняя спиритуалистическая психологія сравнительно мало сдѣлала въ области психофизическихъ изслѣдованій, то это прежде всего объясняется тѣмъ, что эта область почти совсѣмъ не существовала. Старинные материалисты въ ней сдѣлали едва ли больше. Чѣмъ, наприм., лучше фізіологическія схемы Гоббса таковыхъ же схемъ Декарта? Напротивъ, Декартъ былъ несомнѣннымъ отцомъ психофізіологіи, и онъ же родоначальникъ новаго спиритуализма въ его самой рѣзкой дуалистической формѣ. Нужно ли лучшее доказательство совмѣстимости спиритуализма

съ психологическими задачами? Другой примѣръ можно указать въ лицѣ Фехнера, одного изъ виднѣйшихъ основателей современной психофизики и горячаго спиритуалиста по своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ.

Разъ признается постоянное взаимодействіе и связь между психическими и физическими процессами въ насъ, изученіе физическихъ условій душевной жизни тѣмъ самымъ неизбежно получаетъ первостепенный интересъ. Правда, спиритуалисты для связи духовнаго и тѣлеснаго дѣлаютъ нѣсколько иную оцѣнку, нежели сторонники строгаго монизма: эта связь, въ глазахъ спиритуалиста, не такъ абсолютна, она не равняется внутреннему тождеству и не предполагаетъ полного непрерывнаго соотвѣтствія въ содержаніи физическихъ и психическихъ фактовъ. Но въ этомъ, можетъ быть, заключается самое большое преимущество спиритуалистической гипотезы: психологу-спиритуалисту нѣтъ такой потребности въ безплодномъ отыскиваніи исчерпывающихъ фізіологическихъ схемъ для всѣхъ психическихъ событій, которая никогда не покидаетъ психологовъ-монистовъ; для него отпадаетъ много лишнихъ проблемъ,—его положеніе вообще свободнѣе, а это очень важно въ области, гдѣ сдѣланы несомнѣнные частные успѣхи, но гдѣ все же, безотносительно говоря, изслѣдовано очень немного.

Что касается упрека въ невѣрномъ освѣщеніи фактовъ, относящихся къ единству сознанія и неизмѣнности личности, онъ также совершенно устраняется серьезнымъ признаніемъ связи между духомъ и тѣломъ, отъ котораго послѣдовательный спиритуализмъ долженъ отправляться во всѣхъ своихъ выводахъ. Если эта связь допущена, нельзя уже предполагать, что свойства духа раскрываются съ одинаковымъ совершенствомъ, широтою и ясностью во всѣ моменты человеческой жизни. Тогда каждое душевное явленіе есть продуктъ взаимодействія психической силы и той среды, въ которой она развиваетъ свои состоянія. Точнѣе сказать, каждый психическій фактъ есть внутреннее измѣненіе ду-

ши, выражающее переживаемое ею отношеніе къ процессамъ организма. Слишкомъ ясно, что при коренныхъ перемѣнахъ въ этихъ процессахъ, должна глубоко мѣняться и наша душевная жизнь. Насколько позволяютъ судить факты опыта, не только воспріятіе ощущений обусловлено особыми физиологическими процессами въ нашихъ чувствующихъ органахъ, безъ которыхъ ощущенія совсѣмъ и не возникли бы, но и наше сознательное воспроизведеніе ощущений въ формѣ воспоминаній предполагаетъ органическое воспроизведеніе въ центрахъ нашего мозга пережитыхъ ими раздраженій: ясное воспоминаніе, съ психофизиологической точки зрѣнія, есть повторенное воспріятіе, хотя обыкновенно въ менѣе отчетливомъ видѣ. Согласимся съ этимъ, и мы поймемъ, какъ должны рѣзко измѣняться проявленія внутренняго единства и тождества души при органическихъ измѣненіяхъ нашего мозгового аппарата. Нѣтъ сознанія безъ единства и тождества,—ничто не можетъ быть сознано нами, не будучи синтезировано въ своемъ послѣдовательномъ и одновременномъ содержаніи и связано со всѣмъ другимъ, что мы сознаемъ въ данный моментъ,—это зависитъ отъ природы нашего сознающаго субъекта *); но не отъ его объединяющей дѣятельности только зависитъ, насколько широкое поле можетъ она захватить, а и отъ тѣхъ матеріаловъ, которые ей даны.—Положимъ, нашъ мозгъ настолько разрушенъ, что онъ совсѣмъ потерялъ способность воспроизводить пережитыя впечатлѣнія,—мы не будемъ имѣть воспоминаній, всѣ наши идеи будутъ искажены, мы потеряемъ ясное сознаніе своей личности, какъ носительницы опредѣленнаго характера и опредѣленной судьбы. Но все же, если при этомъ мы будемъ сознавать хотя что-нибудь, въ томъ узкомъ полѣ сознанія, которое намъ осталось, единство и тождество явятся такими же неотмѣнными признаками нашей сознающей дѣятельности, какъ и въ нормальной жизни. Если мы испытаемъ ощущеніе, оно бу-

*) См. „Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта“, „Вопр. фил. и псих.“, 1896 г., кн. 2, стр. 282—283.

детъ *однимъ* ощущеніемъ, хотя и будетъ состоятъ изъ ряда послѣдовательныхъ моментовъ сознанія *). Если у насъ промелькнетъ мысль, хотя бы самая абсурдная, — это будетъ одна мысль, гдѣ будетъ какое-нибудь подлежащее и какое-нибудь сказуемое, и въ каждомъ изъ нихъ, вѣроятно, будетъ содержаться извѣстная сложность отношеній къ другимъ идеямъ, хотя бы самымъ темнымъ и страннымъ. Наше сознаніе можетъ имѣть содержаніе тусклое или ясное, обширное или очень бѣдное, сообразное съ дѣйствительностью или рѣзко ей противорѣчащее, — его основныя свойства, какъ душевнаго акта, все же останутся при немъ. Нашъ сознающій субъектъ, въ этомъ отношеніи, можно сравнить съ глазомъ: глазъ совсѣмъ различно видитъ въ темнотѣ или при свѣтѣ, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ смотритъ и остается глазомъ. Мы сознаемъ себя такими, каковы мы есть; мы не воспринимаемъ своего духа въ его абсолютной независимости отъ тѣла по той простой причинѣ, что онъ вовсе и не имѣетъ такой независимости.

Однако, — возразить на это, — именно выясненіе связи души и тѣла составляетъ едва ли не самую трудную проблему философіи. Вся исторія картезіанской школы представляетъ рядъ краснорѣчивыхъ доказательствъ того, до какой степени она неразрѣшима. Душа и тѣло — сущности противоположныя по всѣмъ своимъ свойствамъ, — между ними невозможно перебросить никакого моста, — какъ же они могутъ образовать одно существо и слиться въ одну жизнь?

На это прежде всего приходится отвѣтить, что мы имѣемъ здѣсь не психологическую, а *метафизическую* проблему. Для психологіи, какъ опытной науки, взаимодѣйствіе душевной и тѣлесной жизни есть фактъ никакъ не болѣе загадочный, нежели всякое другое взаимодѣйствіе въ природѣ. Всякое опытное изслѣдованіе отправляется отъ признанія различныхъ связей и взаимодѣйствій, которыя въ вещахъ даны, но о внутренней сущности которыхъ оно не

*) Тамъ же, стр. 279—281.

имѣеть никакого представленія. Что можно придумать болѣе обыденнаго, чѣмъ явленія толчка, но у кого есть ясная идея о томъ внутреннемъ процессѣ, который позволяетъ тѣламъ дѣйствовать другъ на друга при соприкосновеніи между ними? Мы говоримъ о силѣ или свойствѣ *непроницаемости*, но не обобщаемъ ли мы въ этомъ свойствѣ лишь голый фактъ? Что присутствуетъ въ тѣлахъ, не позволяющее имъ впустить въ свои предѣлы ничего посторонняго? Мы знаемъ, что движеніе постоянно передается отъ однихъ тѣлъ другимъ; но что это значить, что тутъ переходитъ изъ тѣла въ тѣло, да и переходитъ ли что-нибудь? На всѣ эти вопросы опытъ совершенно молчитъ. Поэтому, взаимодействие души и тѣла нисколько не загадочнѣе взаимодействия тѣлъ между собою,—они непонятны совершенно одинаково для эмпирическаго взгляда на вещи. Въ нихъ мы имѣемъ первоначальныя данныя опыта, а не то, что могло бы подлежать его объясненію. Нѣтъ такого микроскопа, въ который можно было бы подсмотрѣть, черезъ какой механизмъ движеніе нервнаго центра вызываетъ ощущеніе; но вѣдь нѣтъ и такого, который показалъ бы намъ, какими путями движеніе переливается изъ одного тѣла въ другое. Особенно странно слышать упреки въ непонятности взаимодействия души и тѣла по адресу спиритуалистической доктрины со стороны тѣхъ самыхъ психологовъ, которымъ вовсе не кажется труднымъ предположить, что физическое движеніе, въ силу собственныхъ свойствъ и законовъ, *превращается* въ психическіе акты. Какъ мы уже видѣли, все, что мы знаемъ о веществѣ изъ механики, физики и химіи, абсолютно исключаетъ возможность такого превращенія: наши субъективныя состоянія не подлежатъ вѣдѣнію этихъ наукъ, потому что *по вѣсьмъ своимъ качествамъ* они выходятъ изъ предѣловъ содержанія тѣхъ понятій, съ которыми обращаются эти науки. Поэтому, въ ученіи этихъ противниковъ спиритуализма заключается явное логическое противорѣчіе: у нихъ выходитъ, что изъ механическихъ данныхъ путемъ механическихъ перемѣнъ получается *немеханическій*

результатъ, точно такъ же, какъ изъ физическихъ—*нефизическій*, а изъ химическихъ—*нехимическій*, хотя и механическіе, и физическіе, и химическіе процессы при этомъ вполнѣ сохраняютъ свою природу. Между тѣмъ у спиритуалистической гипотезы есть уже то огромное преимущество, что она не предполагаетъ никакихъ абсурдовъ. Носителю психическихъ явленій приписывается особая невещественная природа; понятно, что его дѣйствіе на организмъ или организма на него не можетъ выражаться въ законахъ физики или химіи: вѣдь эти законы регулируютъ отношенія тѣлъ другъ къ другу, но едва ли они могутъ имѣть хотя малѣйшую претензію на то, чтобы опредѣлять связь тѣлеснаго съ безтѣлеснымъ.

Что касается метафизической стороны проблемы, то и въ этомъ отношеніи положеніе спиритуалистической гипотезы не до такой степени роковое, какъ можетъ показаться сначала. Въ этомъ случаѣ нельзя не отмѣтить слѣдующаго поучительнаго факта: монизмъ въ современномъ смыслѣ этого понятія есть сравнительно позднее явленіе въ развитіи психологіи. Раньше того, едва ли не во всѣхъ школахъ (даже у матеріалистовъ) въ психологическихъ теоріяхъ господствовалъ дуалистическій взглядъ, т.-е. душу различали отъ тѣла, какъ особый принципъ. Тѣмъ не менѣе только послѣдователи Декарта впервые сознали необыкновенную трудность пониманія связи между душою и тѣломъ. Отчего это зависѣло? Мнѣ кажется, для всякаго безпристрастнаго критика должно быть очевиднымъ, что это происходило отъ особыхъ взглядовъ Декарта на духъ и на матерію. Когда духъ былъ опредѣленъ, какъ чистая безпространственная мысль, а тѣло, какъ чистое протяженіе, то между ними дѣйствительно нельзя было установить никакой мыслимой связи на томъ ясномъ основаніи, что эти два понятія представляютъ взаимное логическое отрицаніе. Но изъ этого также видно, что затрудненіе картезіанцевъ было *спеціально картезіанскимъ*. А если мы иначе смотримъ на міръ и, главнымъ образомъ,

на природу матеріи, то получить совсѣмъ другой видъ и угнетающая картезіанцевъ проблема. По этому поводу нельзя не указать на нѣкоторую странную двойственность въ отношеніи современныхъ психологовъ къ вопросу о веществѣ вообще и о нашемъ организмѣ—въ частности. Когда заходитъ рѣчь относительно происхожденія нашихъ представлений о матеріальной дѣйствительности и о нашемъ собственномъ тѣлѣ, они обыкновенно не находятъ словъ, чтобы достаточно подчеркнуть ихъ производный и условный характеръ. Эти представленія настойчиво изображаются, какъ отдаленный продуктъ очень сложной, прихотливой и совершенно субъективной игры нашихъ ассоціацій. Многие не останавливаются и на этомъ, особенно если они испытали на себѣ вліяніе философіи Канта: они провозглашаютъ весь матеріальный міръ, а стало быть, и наше тѣло, и нашъ мозгъ, субъективнымъ призракомъ нашего сознанія, невольнымъ порожденіемъ нашей психики. Но едва возбуждается вопросъ о происхожденіи самой психики и сознанія, они сразу забываютъ о своемъ скептицизмѣ, и мозгъ, съ его физическими процессами и энергіями, немедленно превращается въ единственный и всемогущій источникъ всего состава нашей душевной жизни. Отъ субъективнаго идеализма они съ легкимъ сердцемъ переходятъ къ предположеніямъ простаго матеріализма и мало заботятся о томъ, что столь враждебныя точки зрѣнія не должны были бы уживаться вмѣстѣ въ одномъ и томъ же умѣ. Излишне будетъ доказывать, какъ ненормально такое отношеніе къ проблемѣ о нашемъ тѣлѣ. Едвали когда удастся метафизикамъ или психологамъ свести нашъ физическій организмъ совсѣмъ на *нѣтъ*, для этого онъ слишкомъ убедительно и живо обнаруживаетъ свою реальность въ каждое мгновеніе нашего бытія. Но, съ другой стороны, мы не имѣемъ никакихъ дѣйствительныхъ основаній, чтобы сущность матеріальныхъ вещей измѣрять исключительно обобщеніями физики. Если вопросъ идетъ о метафизической природѣ вещества, предположеніе о томъ, что оно есть

субстанція *абсолютно и въ себѣ* внѣшняя, на которомъ строится все картезіанское міросозерпаніе, нужно считать наименѣе вѣроятнымъ изъ всѣхъ. Весьма убѣдительныя соображенія заставляютъ думать *), что и вещество, какъ всякая другая дѣйствительность, имѣетъ существованіе внутреннее или субъективное, и что эта внутренняя сторона его бытія лежитъ въ основѣ его внѣшнихъ проявленій и свойствъ. Объ этомъ мнѣ уже пришлось отчасти говорить по поводу гипотезы всеобщаго одушевленія. Допустимъ, наприим., вмѣстѣ съ Джордано Бруно и Лейбницемъ, что вещество складывается изъ внутренне духовныхъ центровъ, монадъ, и что наша душа есть также монада, только болѣе развитая и богатая внутреннею жизнью сравнительно съ монадами матеріальнаго міра. Тогда проблема взаимодействія души и тѣла потеряетъ значительную долю своей трудности: тогда выйдетъ, что душа дѣйствуетъ на элементы своего организма потому же, почему вообще монады дѣйствуютъ другъ на друга. Двѣ проблемы тѣмъ самымъ сведутся къ одной—о существованіи взаимодействія между вещами вообще. Конечно, и это вопросъ очень сложный, который касается глубочайшихъ корней бытія; нельзя, однако, не согласиться, что съ метафизической точки зрѣнія мыслить взаимодействіе существъ легче, чѣмъ представить себѣ дѣйствительность, состоящую изъ элементовъ, которые никакъ не дѣйствуютъ другъ на друга. Міръ понятенъ только подъ угломъ внутреннего и связнаго единства разнообразныхъ формъ и проявленій его жизни. Но опять повторяю, что эта проблема чисто метафизическая, которая не имѣетъ прямого отношенія къ психологіи.

Но,—вѣроятно, возразятъ намъ,—вѣдь сама душа есть понятіе метафизическое,—какъ же говорить о ней, не наполнивъ психологію метафизическими гаданіями? Вся бѣда спиритуалистической гипотезы именно въ томъ, что она вноситъ метафизику въ изученіе душевной жизни. Душа не есть предметъ опыта; непосредственному опыту доступны

*) Ср. „Положит. задачи философіи“, ч. II. стр. 279—310.

только явленія и состоянія души, а не она сама. Душа это трансцендентная сущность, о которой мы не можемъ составить никакого живого представленія. Въ лучшемъ случаѣ—это только предположеніе, можетъ быть, и нужное въ цѣляхъ объясненія психическихъ процессовъ, но которое никогда не будетъ оправдано прямыми фактическими данными.

По моему глубокому убѣжденію, въ такой оцѣнкѣ понятія о душѣ заключается главная ложь современной психологіи, да и вообще всей современной философіи, чрезвычайно богатая весьма печальными послѣдствіями. Подробному доказательству этой мысли были посвящены мои послѣднія статьи *), и, мнѣ кажется, теперь я могу сослаться на нихъ. *Явленіе и состояніе*—это только искусственныя абстракціи нашего разсудка, гипостазировать которыя и приписывать имъ самостоятельное существованіе есть великая логическая ошибка. Нѣтъ явленій внѣ и помимо того, что въ нихъ является и чему они являются, и нѣтъ состояній внѣ вещей и существъ, которыя ихъ переживаютъ и, стало быть, неперемѣнно въ нихъ присутствуютъ. Чистое, абсолютное явленіе, абсолютное, никому не принадлежащее состояніе представляютъ такое *contradictio in adjecto*, съ которымъ едва ли можно сравнить какое-нибудь другое злоупотребленіе метафизической изобрѣтательности. Утверждать, что эта воплощенная логическая нелѣпость есть единственный предметъ нашего опыта, значить произносить грандіозную клевету на человѣческій опытъ! Если бы мы воспринимали внѣшнюю природу такъ, какъ она есть по понятіямъ физики, то мы прямо воспринимали бы вещество и его движенія и намъ нечего было бы воспринять другого; если мы внутренне переживаемъ состояніе нашего духа, мы тѣмъ самымъ воспринимаемъ его самого, потому что духъ, очевидно, долженъ присутствовать въ своихъ состоя-

*) „Явленіе и сущность въ жизни сознанія“, и „Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта“, „Вопр. фил. и псих.“, кн. 5, 1895 г. и кн. 2, 1896 г.

ніяхъ совершенно такъ же, какъ вещество присутствуетъ въ своихъ движеніяхъ. Предполагать, что душа пребываетъ гдѣ-то за предѣлами своей собственной жизни, есть мысль до того странная, что можно только удивляться тѣмъ прочнымъ правамъ гражданства, которыя она приобрѣла въ философіи. Наша душа не метафизическая мечта, это вполнѣ дѣйствительный предметъ нашего внутренняго опыта, даже его единственный предметъ, потому что все воспринимается нами въ качествѣ ея модификацій.

Въ моей послѣдней статьѣ мы могли получить всестороннее подтвержденіе этого принципиальнаго вывода. Мы никогда не сознаемъ и не можемъ сознавать однихъ явленій; постояннымъ и единственнымъ предметомъ нашего внутренняго опыта всегда оказывается существенное тождество нашей сознающей силы въ разнообразныхъ выраженіяхъ ея дѣятельности *). Явленія сознанія непрерывно проходятъ. То, что ощущалось нами сейчасъ, уже прошло и замѣнилось другимъ, и это другое можетъ быть сходно съ прежнимъ, но не есть съ нимъ одно и то же. Что прошло, того ужъ нѣтъ, это одинаково относится и къ прежнимъ ощущеніямъ, и къ прежнимъ мыслямъ, и къ пережитымъ чувствамъ, и къ совершившимся дѣйствіямъ воли. Казалось бы, всѣми нашими душевными состояніями мы должны быть разъ навсегда замкнуты въ тѣсныя рамки настоящаго момента, привязаны къ тому неуловимому *теперь*, определить которое казалось столь труднымъ еще Аристотелю: вѣдь, что можетъ быть проще той истины, что все испытываемое нами испытывается въ настоящемъ, а не въ будущемъ и прошломъ? И вотъ, несмотря на это, нашъ внутренній опытъ обнаруживаетъ совсѣмъ другія черты. Нашему сознанію *недоступенъ* настоящій моментъ въ строгомъ смыслѣ слова, въ его отдѣльности отъ прошлаго и будущаго, — все, что создается нами, непремѣнно *длится*, и только *такимъ* мы его и сознаемъ **). Въ каждомъ ничтожнѣйшемъ

*) „Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта“, стр. 284.

**) Тамъ же, стр. 277—280.

психическомъ актѣ наше сознание находится въ дѣйствительномъ отношеніи не только къ настоящему, но и къ прошлому и ждетъ будущаго. Самое элементарное чувственное ощущение должно продолжаться извѣстное хотя бы самое короткое время, чтобы сознание могло его усвоить какъ *одно ощущеніе*. Но, вѣдь, когда сознание объединить послѣдовательные моменты развитія ощущенія въ одно цѣлое, они уже протекутъ: не значить ли это, что въ этомъ случаѣ непосредственнымъ содержаніемъ сознания является совершаемый нами актъ объединенія, а не тѣ моменты, на которые онъ направленъ, которые уже прошли и которые послужили для него только матеріаломъ? И несомнѣнно, что въ этомъ объединяющемъ актѣ долженъ присутствовать нашъ единый сознающій субъектъ, иначе самый этотъ актъ распался бы на послѣдовательные моменты, исчезающіе другъ за другомъ, и ничего не объединили бы *). Другими словами, мы непосредственно сознаемъ свое тождество въ смѣнѣ нашихъ актовъ и состояній, и только черезъ это и воспринимаемъ ихъ послѣдовательность и внутреннюю связность и можемъ объединить ихъ для себя въ одну цѣлостную картину. И то, что здѣсь сказано объ ощущеніяхъ, относится также ко всѣмъ другимъ явленіямъ и процессамъ душевной жизни: каждое изъ нихъ представляетъ синтезъ послѣдовательныхъ моментовъ и только черезъ такой синтезъ становится достояніемъ сознания. И чѣмъ выше развивается душа, тѣмъ болѣе широкій захватъ пріобрѣтаетъ ея синтезирующая дѣятельность. Въ потокъ психическихъ перемѣнъ присутствуетъ нѣчто надъ нимъ возвышающееся, то, что слѣдуетъ назвать *сверхвременнымъ*, и мы все сознаемъ, лишь создавая его, относя все къ нему и все имъ измѣряя. Это сверхвременное въ насъ — *мы сами*, наше пребывающее я. Въ статьѣ, о которой я говорю теперь, мы уже могли убѣдиться въ тѣсномъ сродствѣ понятій *сверхвременности* съ понятіемъ *субстанціальности* *). Никакой реальный

*) Тамъ же, стр. 282—283.

**) Тамъ же, стр. 272—276.

процессъ немислимъ, если не предположить въ немъ чего-то пребывающаго, что *остается* въ смѣнѣ моментовъ времени, устанавливая внутреннюю связь между звеньями процесса. Это пребывающее мы называемъ *субстанціей* или *субстратомъ*, въ которомъ происходитъ процессъ. Такъ, физическій міръ мы не можемъ мыслить безъ вещества, которое при всѣхъ перемѣнахъ и передвиженіяхъ остается однимъ и тѣмъ же, которое и теперь совсѣмъ такое же, какимъ оно было миллиарды столѣтій назадъ. Одинаково и психическій міръ немислимъ безъ субстанціальной сознающей силы, которая непрерывно раскрывается въ немъ. И она, дѣйствительно, дана въ нашемъ внутреннемъ опытѣ и непосредственно воспринимается и создается нами во всѣхъ его изгибахъ. Лучшее этому доказательство въ томъ фактѣ, что мы сознаемъ *время* и убѣждены въ *реальности прошлаго* *): если бы содержаніе нашего опыта, въ самомъ дѣлѣ, слагалось изъ чистыхъ явленій, прошлое и будущее были бы для насъ непонятными словами. Каждое явленіе всецѣло принадлежитъ настоящему, но его абсолютно нѣтъ, когда оно уже прошло или еще не наступило. Поэтому явленія, сами по себѣ такъ же мало могутъ дать содержаніе для идеи реального времени, какъ нельзя образовать пространство, прикладывая непротяженныя точки одна къ другой. Между тѣмъ мы все сознаемъ во времени: съ полнымъ правомъ его можно назвать, вмѣстѣ съ Кантомъ, изначальною формою нашего опыта. Это значитъ, что въ жизни нашего сознанія мы прямо воспринимаемъ реализующую себя въ ней субстанціальную силу. „Наше я или наша душа непосредственно раскрывается внутреннему опыту, какъ единая, пребывающая, дѣятельная субстанція, которая сознаетъ себя въ этихъ качествахъ“ *). Такова, по моему убѣжденію, должна быть непредвзятая оцѣнка очевидныхъ данныхъ психическаго существованія. Поэтому еще разъ повторю: спиритуалистическая гипоте-

*) Тамъ же, стр. 285—290.

**) Тамъ же, стр. 296.

за, насколько дѣло идетъ о главномъ предметѣ ея утверждений, больше, чѣмъ гипотеза, — она ничего не предполагаетъ — она требуетъ только, чтобы не дѣлали гипотезъ о мнимости и лживости прямыхъ свидѣтельствъ нашего самосознанія.

IV.

Попробуемъ стать на эту точку зрѣнія, и многія изъ проблемъ, надъ которыми тщетно бьется монистическій взглядъ на душевную жизнь, потеряютъ свое роковое значеніе, а тѣ слабыя стороны психологическихъ объясненій, о которыхъ мы говорили въ началѣ статьи и которыя неотдѣлимы отъ монистическаго пониманія, исчезнутъ сами собою. Прежде всего намъ уже не будетъ нужды вездѣ искать безсознательныхъ элементовъ сознательныхъ состояній и предполагать за предѣлами сознанія существованіе какихъ-то однородныхъ единицъ, изъ которыхъ будто бы сложилось все качественное разнообразіе нашей субъективной жизни, какъ ихъ простой агрегатъ. Спиритуалистическая гипотеза можетъ спокойно признать неразрѣшимую индивидуальность и несводимость другъ къ другу отдѣльныхъ психическихъ актовъ. Для нея безсознательное изъ принципа объясненія обращается въ проблему для изслѣдованія. Психологу нельзя сомнѣваться, что существуетъ безконечное множество ступеней сознаваемости переживаемыхъ нами состояній, что въ психической жизни дѣйствительно присутствуютъ какія-то совсѣмъ безсознательныя данныя, что, наконецъ, у сознательныхъ явленій въ самомъ дѣлѣ нерѣдко приходится предполагать несознаваемыя условія ихъ возникновенія. Но эти факты нужно стараться объяснить изъ непосредственно извѣстнаго намъ и изъ необходимыхъ вспомогательныхъ гипотезъ, а не въ нихъ, наоборотъ, искать объясненія тому, что гораздо ихъ извѣстнѣе.

Точно такъ же намъ не придется отрицать подлинность своей активности ради ея предполагаемаго происхожденія отъ физической инерціи. Самодѣтельность нашего духов-

наго существа есть аксіома спиритуализма, и онъ не можетъ смотрѣть иначе, разъ онъ понялъ субстанціальную природу души. Поэтому наши дѣйствія, усилія и стремленія ему нѣтъ нужды изображать, какъ самообманъ и иллюзію. Для него скорѣе представляетъ затрудненіе другая сторона нашего внутренняго опыта: ограниченность нашей самодѣятельности, тѣсный предустановленный кругъ нашихъ способностей, огромное множество *невольныхъ* состояній въ нашемъ психическомъ существованіи. Спиритуалисту приходится объяснять именно эти факты, и онъ, конечно, станетъ искать такого объясненія прежде всего въ данныхъ и гипотезахъ, касающихся отношенія и связи психической и физической сферъ.

Не менѣе важнымъ преимуществомъ спиритуалистической гипотезы является то обстоятельство, что для нея изъ душевной жизни исчезаютъ то пестрое разнообразіе и безсвязная случайность окончательныхъ, далѣе необъяснимыхъ фактовъ, отъ которыхъ неизбежно отправляется психологія фізіологическаго монизма. Эти факты, въ значительной степени, оказываются выводимыми уже изъ самаго общаго понятія о душѣ, какъ его логическія послѣдствія. Допустимъ въ самомъ дѣлѣ, согласно основнымъ предпосылкамъ спиритуалистическаго міросозерцанія, что существуетъ душа, какъ пребывающая, внутренне единая, дѣятельная сила, сознающая себя, которая, по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ связана съ тѣломъ и стремится реализовать себя въ немъ, какъ въ своемъ органѣ, а черезъ него и въ окружающемъ мірѣ соотвѣтственно развивающимся въ ней интересамъ и цѣлямъ. Уже въ свѣтъ этого очень общаго опредѣленія, формулирующаго только то, что мы непосредственно о себѣ знаемъ, указанные въ первой главѣ этой статьи разрозненные и загадочные факты получаютъ глубокую связь и даже прямо подразумѣваютъ другъ друга. Дѣйствительно, если душа связана съ тѣломъ и сознаетъ себя, то измѣненія въ тѣлесномъ организмѣ должны отражаться въ ея самочувствіи, и, стало-быть, она должна ис-

пытывать нѣчто аналогичное тому, что мы называемъ въ себѣ *ощущеніями*. Если наше душевное существо едино и остается самимъ собою при всѣхъ переживаемыхъ имъ перемѣнахъ, его разнообразныя состоянія, связанныя между собою непрерывностью его пребыванія, должны являться для его воспріятія самого себя *соотнесенными другъ съ другомъ*, какъ элементы единого опыта; другими словами, изъ субстанціального единства нашего сознающаго субъекта вытекаетъ всеобщее господство *закона относительности* надъ психическими явленіями. Также мы видѣли недавно, какъ тѣсно связаны съ сверхвременной природою нашего я наша способность сознать время и наше убѣжденіе въ реальности прошлыхъ событій: дѣйствующая въ насъ субстанціальная сила пребываетъ въ каждомъ изъ своихъ состояній, какъ въ нѣкоторомъ положительномъ внутреннемъ опредѣленіи своего развитія, и переходя къ новому опредѣленію, она не перестаетъ быть воспринявшею, пережившею и видоизмѣнившеюся черезъ предшествующее; съ другой стороны, пріобрѣтенное ею новое внутреннее опредѣленіе ея бытія не составляетъ для нея чего-нибудь окончательнаго, но, вслѣдствіе присущей ей активности она постоянно стремится къ проявленіямъ, все болѣе новымъ. Допустимъ только, что эта сила сознаетъ себя такою, какова она есть: тогда въ ней будутъ и *воспріятія времени*, какъ различіе между пережитымъ и переживаемымъ теперь и какъ ожиданіе будущаго, и *память*, т.-е. сознаніе реальности прошлыхъ состояній въ томъ порядкѣ, какъ мы ихъ испытали*). Въ свою очередь въ этихъ свойствахъ нашего духа можно видѣть психическій корень закона ассоціаціи по смежности точно такъ же, какъ общій законъ *относительности* можно разсматривать какъ почву, на которой вырастаютъ другіе законы ассоціаціи идей.

Разсуждая подобнымъ образомъ, мы могли бы, исходя изъ взятаго нами опредѣленія души, обосновать и нѣкоторые

*) Тамъ же, стр. 289.

другія особенности психическаго существованія, которыя обыкновенно признаются за факты, далѣе необъяснимые. Такъ, если душа есть существо дѣятельное и непрерывно стремящееся реализовать себя, изъ этого съ необходимостью вытекаетъ *телеологическій* характеръ нашей душевной жизни: наше психическое существованіе внутренне направляется нашими стремленіями и оцѣнками; наше я на всѣхъ ступеняхъ своего развитія постоянно дѣлаетъ выборъ между пригоднымъ для него и ему враждебнымъ. Наиболѣе элементарная и непосредственная форма такого выбора заключается въ тональности нашихъ ощущеній. Душа въ силу своей связи съ тѣломъ относится къ нему не безразлично и равнодушно, а какъ къ своему органу, соответственно его пригодности въ этомъ качествѣ. Въ силу непосредственности и первоначальности этой связи, душа и свою оцѣнку тѣлесныхъ измѣненій дѣлаетъ совершенно непосредственно: она обладаетъ какъ бы нѣкотораго рода ясновидѣніемъ по отношенію къ состояніямъ своего тѣла, или, по крайней мѣрѣ, своего нервно-мозговаго аппарата, — хотя довольно ограниченнымъ. Поэтому, въ общемъ, тональность ощущеній имѣетъ *утилитарную* основу: что въ данный моментъ благопріятно для жизни организма или для нормальной дѣятельности его частей, представляетъ источникъ *пріятнаго*; напротивъ, что въ данное мгновеніе разрушаетъ нормальныя функціи тѣла или препятствуетъ имъ, то субъективно воспринимается, какъ физическое *страданіе*. Вообще, слѣдуетъ сказать, что столь важный въ эмпирической психологіи законъ самосохраненія съ аналитической необходимостью вытекаетъ изъ даннаго нами опредѣленія душевной сущности и при этомъ получаетъ болѣе широкую постановку. Вѣдь разъ нашъ духъ неустанно стремится къ возможно болѣе полному осуществленію своей дѣятельной природы и борется съ представляющимися преградами, тѣмъ самымъ дана *воля*, какъ основной факторъ психической жизни въ конкретной безконечности ея формъ; съ другой стороны, тѣмъ самымъ дается дикту-

емое нашими стремленіями внутреннее отношеніе къ явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности,—отрицательная или положительная, реакція на нихъ,—которая воплощается въ нашихъ эмоціяхъ во всемъ ихъ неограниченномъ разнообразіи.

Наконецъ, въ виду даннаго нами опредѣленія души, можетъ быть, получить нѣкоторое освѣщеніе загадочный фактъ, наблюдаемый во взаимной связи между психическими и физическими перемѣнами. Въ нашемъ Обществѣ неоднократно обсуждалась своеобразная особенность въ законѣ Вебера относительно зависимости измѣненія ощущеній отъ величины физическихъ раздраженій. Указывалось, что этотъ законъ имѣетъ прерывный характеръ; что въ то время, какъ раздраженіе растетъ непрерывно, мѣняя всевозможныя степени, ощущение измѣняется скачками, такъ что нужно, чтобы раздраженіе возросло до извѣстнаго предѣла прежде, чѣмъ послѣдуетъ хотя малѣйшій приростъ въ ощущеніи. Маѣ кажется, этотъ выводъ имѣетъ еще болѣе широкое значеніе и касается не только отношенія ощущеній къ внѣшнимъ раздраженіямъ, но долженъ распространиться на связь между психическими явленіями вообще и процессами мозга. Его въ такомъ случаѣ можно формулировать такъ: *далеко не въ перемѣны въ частяхъ мозга, съ которыми связана душевная жизнь, отражаются въ психической сферѣ, а лишь достигшія извѣстной интенсивности*. Еслибы было иначе, мы, по всему вѣроятію, обладали бы весьма отчетливымъ непосредственнымъ знаніемъ устройства нашей мозговой коры и роли ея отдѣльныхъ элементовъ,—подобно тому, какъ мы тѣ части нашего тѣлеснаго организма знаемъ лучше, отъ которыхъ больше получаемъ раздѣльныхъ ощущеній.—и, во всякомъ случаѣ, въ каждый моментъ нашей жизни, мы имѣли бы несравненно болѣе обширное поле сознанія, чѣмъ имѣемъ въ дѣйствительности: физическій составъ мозга чрезвычайно сложенъ, и въ немъ въ каждое мгновеніе проходятъ безконечно сложные процессы. На основаніи аналогичныхъ соображеній можно вообще утвер-

ждать, что наше сознание не отражаетъ сполна измѣненій никакого физическаго субстрата, какой бы мы ни предположили въ качествѣ его носителя. Между психическою жизнью и физическими процессами существуетъ нѣкоторое опредѣленное отношеніе, но это отношеніе не есть дѣйствительная параллельность ихъ. Этотъ фактъ очень плохо вяжется съ предположеніемъ полного *параллелизма* между психическимъ и физическимъ, и его вообще трудно сообразовать съ теоріей, по которой душевная жизнь есть только переводъ матеріальныхъ явленій на субъективный языкъ. Но съ точки зрѣнія даннаго нами опредѣленія души онъ представляется гораздо болѣе понятнымъ: какъ бы ни были тѣсно связаны другъ съ другомъ тѣло и духъ, они все же представляютъ двѣ различныя вещи, и нѣтъ оснований непременно предполагать, что всѣ состоянія одного должны сполна переводиться на состоянія другого. Напротивъ, отношеніе духа и тѣла, какъ дѣятеля къ своему органу, скорѣе заставляетъ ждать иного результата: такая связь должна опредѣляться ея внутреннимъ практическимъ смысломъ; не всѣ процессы тѣлеснаго организма одинаково важны для дѣйствующей въ немъ психической силы, и во всякомъ случаѣ для нея едва ли могутъ быть важными безконечно малыя колебанія въ этихъ процессахъ. Цѣна тѣлесныхъ измѣненій для духа, съ этой точки зрѣнія, обусловливается ихъ значеніемъ для цѣлости и безпрепятственной дѣятельности тѣла, иначе сказать, ихъ отношеніемъ къ интересамъ самосохраненія живого существа. Если предположить, что способность одновременнаго сознанія многихъ впечатлѣній въ нашемъ духѣ вообще ограничена, то воспріимчивость къ безконечно мелкимъ деталямъ физиологическихъ процессовъ внутри насъ окажется вреднымъ излишествомъ, нарушающимъ внутреннюю экономію психическаго существованія. Наоборотъ, чѣмъ шире воспріимчивость ко всѣмъ сколько-нибудь существеннымъ измѣненіямъ въ тѣлесномъ организмѣ, а черезъ него, и въ окружающемъ мірѣ, тѣмъ болѣе обезпечена сохранность жизни

одушевленныхъ тварей. Въ этомъ пунктѣ выводы спиритуалистической гипотезы вполне совпадаютъ съ весьма важнымъ обобщеніемъ біологіи: наша чувственная восприимчивость вырастаетъ не изъ теоретической потребности проникновенія въ самую суть внѣшнихъ намъ предметовъ, а изъ практическихъ требованій приспособленія къ окружающей средѣ.

Изъ соображеній, изложенныхъ до сихъ поръ, ясно видно, что, несмотря на крайнюю общность установленнаго нами опредѣленія душевной субстанции, при немъ возможна апріорная дедукція основныхъ фактовъ психической жизни, поскольку они вообще выразимы въ абстрактныхъ понятіяхъ, или чего-то очень близкаго къ этимъ фактамъ. Скажутъ ли намъ, что эта дедукція стала возможною только черезъ то, что мы заранее перенесли эти основные факты на душу въ ней самой и подъ разными названіями обратили ихъ въ ея свойства? Но, во-первыхъ, еслибъ даже это было справедливо, не лучше ли за основными и окончательными фактами признать этотъ ихъ основной и окончательный характеръ вмѣсто того, чтобы выводить ихъ изъ какого-нибудь посторонняго источника, который завѣдомо не можетъ произвести ихъ? Огромнымъ преимуществомъ спиритуалистической гипотезы нужно считать и то обстоятельство, что эти окончательные факты перестаютъ быть внутренне-разрозненными и случайными; указанныя въ нашемъ опредѣленіи свойства души аналитически предполагаютъ другъ друга, а всѣ другія особенности психической жизни въ нашей дедукціи прямо выводятся изъ нихъ. Если душа—субстанціальная сила, она неизбежно дѣятельна *),—она обладаетъ внутреннимъ единствомъ,—она вообще, прежде чѣмъ обнаружиться въ чемъ-нибудь *внѣ себя*, должна имѣть бытіе внутреннее, *для себя*, что и выражается въ томъ несомнѣнномъ фактѣ, что мы обладаемъ самочувствіемъ и сознаемъ себя и то, что въ насъ про-

*) См. объ этомъ «Положительныя задачи философіи» ч. II, стр. 214—220

исходить. Къ этимъ субстанціальнымъ признакамъ духа, подразумѣвающимъ другъ друга, въ нашемъ опредѣленіи прибавлено только указаніе на его связь съ тѣломъ. Абсолютную неизбѣжность такой связи трудно раскрыть съ аналитическою очевидностью. Но какая же другая система психологіи дѣйствительно обосновала эту неизбѣжность?

Во-вторыхъ, рассматриваемое обвиненіе вообще нельзя считать правильнымъ: если вѣрно, что субстанція душевной жизни непосредственно раскрыта нашему самонаблюденію, то ея непосредственно очевидные признаки не перенесены на нее искусственно откуда-то извнѣ. Съ другой стороны, наше опредѣленіе души настолько обще, что если оно и предупреждаетъ частные факты нашего внутреннего опыта, то во всякомъ случаѣ не составляетъ ихъ простого пересказа. Напримѣръ, если субстанціальное единство и активность нашего сознающаго субъекта представляютъ психическія условія памяти и сознанія времени, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что сознаніе времени и память суть просто наше единство и активность. Точно такъ же, изъ дѣятельной природы духа и его связи съ тѣломъ объясняется существованіе въ насъ удовольствій и страданій, различныхъ эмоцій, избирающаго вліянія воли на наши внутреннія и внѣшнія дѣйствія; но все-таки это не значитъ, что понятія удовольствія, страданія, эмоціи, волевого воздѣйствія логически тождественны съ понятіями дѣятельной души и связи ея съ тѣломъ. Отношеніе нашего опредѣленія къ конкретному содержанію психической жизни скорѣе можно сопоставить съ отношеніемъ общаго закона къ его частному приложенію. Въ этомъ опредѣленіи указывается, чѣмъ должно быть всякое духовное существо, какова бы ни была организація его матеріальной оболочки; между тѣмъ частныя проявленія внутренней жизни такихъ существъ находятся въ тѣсной зависимости отъ этой организаціи *). Правда, если сравнивать

*) На это слѣдуетъ обратить особое вниманіе: изложенная выше дедукція относится только къ чисто психическимъ основамъ и условіямъ главнѣйшихъ

наше опредѣленіе съ закономъ, это будетъ законъ, не допускающій точнаго математическаго выраженія. Но, вѣдь, психическая жизнь есть область *качественная* по преимуществу. Еслибы мы даже какъ-нибудь перевели его на математическія формулы, мы едва ли бы много отъ того выиграли: психическіе факты сами въ себѣ не подлежатъ точному измѣренію,—они не слагаются изъ раздѣльныхъ единицъ, которыя можно было бы сосчитать. Лучшее доказательство тому даетъ исторія герbartіанской школы. Герbartіанская психологія содержитъ много весьма сложныхъ, изящно выведенныхъ формулъ; но мы не знаемъ даже и того, прилагаются ли онѣ въ самомъ дѣлѣ къ психическимъ процессамъ или представляютъ совершенныя фикціи.

Моей задачей было показать, какъ несправедливо то огульное пренебреженіе, съ которымъ относятся

фактовъ нашего сознанія. Но въ нашемъ дѣйствительномъ опытѣ, рядомъ съ этими условіями, стоятъ другія, уже фізіологическаго порядка, власть которыхъ объясняется тѣсною связью души съ тѣломъ. Еслибъ въ насъ не было единаго сознающаго субъекта, у насъ, какъ мы видѣли, не существовало бы и никакого единаго сознанія, но то, что содержится въ этомъ сознаніи, зависитъ не только отъ нашего сознающаго я, но прежде всего отъ тѣхъ впечатлѣній, которыя мы получаемъ черезъ свои тѣлесныя органы. Точно также *память* и *сознаніе времени* возможны только въ субстанціальномъ духѣ, и, наоборотъ, тамъ, гдѣ такой духъ данъ, должно существовать нѣчто имъ аналогичное,—но все же наша ясная сознательная память и наши представленія о теченіи временныхъ событій находятся въ прочной и многообразной зависимости отъ функций нашего мозгового аппарата (см. „Понятіе о душѣ по даннымъ внутр. опыта“, стр. 292—293) и т. д. Поэтому принятіе спиритуалистической гипотезы не вноситъ никакого существеннаго измѣненія въ общихъ задачахъ эмпирическаго или экспериментальнаго изученія психической жизни. Тѣмъ не менѣе и чистый эмпиристъ-психологъ долженъ предпочесть ее всякимъ инымъ предположеніямъ, хотя бы въ виду слѣдующихъ соображеній: 1) она устанавливаетъ между психическими и физическими фактами логически понятное отношеніе, притомъ согласное съ показаніями непосредственнаго опыта; 2) для внутренняго сродства и единства психическихъ функций она указываетъ принципіальный источникъ въ ихъ собственной внутренней природѣ, а не въ случайности совпаденія разнородныхъ элементовъ въ нашей нервно-мозговой системѣ; 3) она избавляетъ психологовъ отъ рѣшенія невыполнимой задачи: подысканія для каждаго психическаго явленія абсолютно его покрывающихъ и объясняющихъ физическихъ коррелятовъ и схемъ.

къ *спиритуалистической гипотезы* современные психологи. Мнѣ кажется, выводами, къ которымъ я пришелъ, не уничтожается значеніе противоположной ей гипотезы *физиологическаго монизма*: монистическая теорія даетъ хотя и одностороннее, но все же весьма своеобразное освѣщеніе душевнымъ процессамъ, которое во многихъ случаяхъ можетъ быть полезнымъ въ смыслѣ метода. Наконецъ, нельзя не считаться съ привычками ума у отдѣльныхъ изслѣдователей, которыя невольно влекутъ ихъ къ предпочтенію однихъ предположеній другимъ не за ихъ логическія преимущества, а просто за ихъ субъективное удобство. Тѣмъ не менѣе истина психологіи лежитъ не въ монизмѣ: это когда-нибудь сознаютъ всѣ, и тогда въ изученіи душевной жизни навсегда исчезнетъ монополія физиологическихъ объясненій.

Л. Лопатинъ.
